

Алекс Грэйвуд

Отреченные обществом

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Грэйвуд

Отреченные обществом

«Автор»

2026

Грэйвуд А.

Отреченные обществом / А. Грэйвуд — «Автор», 2026

У каждого города на нашей планете есть своя изнанка, которая оживает лишь в полумраке ночи. Общество легко выжигает на людях клеймо отчуждения, опускает занавес равнодушия и делает их невидимыми для дневного мира. Но за этой глухой стеной остаются живые души. Они дышат той же болью, проходят через круги личного ада и вопреки всему ищут понимания, любви и сострадания. Эта книга — хроника изломанных человеческих судеб, затерянных в шуме мегаполисов и тишине провинциальных окраин. Каждая глава открывает новую грань человеческой природы, сталкивая цинизм с добротой, а порочное прошлое — с надеждой на искупление.

© Грэйвуд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	36

Алекс Грэйвуд

Отреченные обществом

Глава 1

Любовь проститутки

Зачастую общество выжигает на человеке клеймо отчуждения, стирая его лицо. Но за этой невидимой стеной остаются живые души. Они дышат той же болью и так же, вопреки всему, ищут любви и сострадания.

В этот раз события развиваются в замечательном городе под названием Лондон, в котором живет ни чем примечательный молодой человек по имени Джек. Он из рода Морисанов. Но это не те самые Морисаны которые держат в страхе Чикаго. Наши с вами Морисаны простые и честные работяги в Лондоне. В криминальных хрониках Чикаго фамилия Морисан обычно пахла порохом, дорогим виски и большими деньгами. Наверное, каждый, кто хоть раз смотрел ночные документалки об организованной преступности, слышал о клане Морисанов, которые когда-то держали в страхе всю северную часть штата. Это были жесткие, опасные люди.

Но лондонский клерк Джек Морисан не имел к ним никакого отношения. Его ветвь Морисанов была из тех, чьим главным оружием были честность, исполнительность и умение вовремя платить по счетам. Самым криминальным поступком в жизни Джека было то, что он иногда забывал вернуть вовремя книгу в библиотеку.

Каждое утро Джек надевал отглаженную светло-голубую рубашку, повязывал строгий галстук и отправлялся на работу. В его обязанности входило то, что в современном Лондоне гордо именовалось «специалист по работе с клиентами», хотя сам Джек предпочитал старое доброе слово «клерк».

Его рабочее место представляло собой аккуратную стойку с широким монитором компьютера. По одну сторону этого экрана сидел Джек, ловко щелкающий по клавишам и заполняющий бесконечные электронные базы данных. По другую — непрерывающимся потоком шли люди. Самые разные: ворчливые лондонские пенсионеры, вечно спешащие студенты, нервные иммигранты и эксцентричные леди с маленькими собачками.

Джек не был замкнутым сухарем. Напротив, он умел и любил общаться. Он безошибочно угадывал, кому нужно вежливо улыбнуться, с кем — обменяться парой дежурных шуток о непредсказуемой британской погоде, а кого — просто молча и быстро обслужить, не задавая лишних вопросов. Гражданские лица шли к нему со своими мелкими проблемами и бумагами, и Джек Морисан щелкал их дела как орешки, заносил информацию в компьютер.

— Доброе утро, мистер Морисан! — К стойке подошла пожилая женщина по имени миссис Грин, у которой в руках было очень много документов.

— И вам доброго дня, миссис Грин, — Джек приветливо улыбнулся и перевёл взгляд на монитор компьютера, открывая её личное дело.

— Вижу, вы сегодня принесли много бумаг. Давайте их сюда, сейчас мы всё быстро внесем в базу данных.

Пока пальцы Джека привычно стучали по клавиатуре, он вежливо общался со старушкой, расспрашивая её о делах и здоровье. Женщина довольно улыбалась. Обычные люди шли к нему один за другим со своими мелкими проблемами, и Джек помогал каждому. Он действительно умел находить общий язык с любым посетителем.

Сегодняшний послерабочий вечер обещал быть необычным для Джека. Ведь он собирался сделать предложение руки и сердца своей девушке. Ее звали Катрин. С ней он познакомился как раз-то у себя на работе. Катрин пришла к нему за помощью как к клерку. Прошел не один месяц, прежде чем он собрался с силами сделать ей предложение руки и сердца.

Джек и Катрин сидели за своим обычным столиком у окна в небольшом недорогом кафе. Джек очень старался сделать этот вечер особенным, поэтому на столе вместо привычного чая стояла бутылка хорошего игристого вина в ведерке со льдом, два бокала и пара красивых десертов. Рядом лежал букет, который он принес для нее.

Парень чувствовал, как от сильного волнения у него пересохло во рту. В кармане его пиджака лежала коробочка с кольцом, которая сейчас казалась ему невероятно тяжелой.

Джек внимательно смотрел на Катрин, пытаясь угадать ее настроение. Он долго собирался с силами ради этого вечера. Наконец, парень сделал глубокий вдох, опустил руку в карман, нащупал пальцами бархатную коробочку и заговорил. Он начал говорить Катрин те самые важные слова о любви и общем будущем, которые мысленно повторял уже не один месяц.

— Катрин, ты же помнишь тот день, когда ты впервые пришла ко мне в офис? Я тогда сидел за своим компьютером, разбирал скучные бумаги, и тут появилась ты. В тот самый миг моя серая жизнь в этом огромном городе полностью изменилась. За эти месяцы ты стала для меня самым близким и дорогим человеком. Я люблю тебя. Я люблю твою улыбку, то, как ты смеешься, и то, как мне тепло рядом с тобой. Я хочу всегда быть рядом, защищать тебя и заботиться о тебе.

С этими словами Джек наконец достал из кармана маленькую бархатную коробочку, открыл её и аккуратно пододвинул ближе к Катрин. На белой подушечке блеснуло аккуратное кольцо.

— Катрин, ты выйдешь за меня? — тихо, но уверенно спросил он, с надеждой всматриваясь в её лицо и при этом протягивая ей открытую коробочку с кольцом.

Глядя на кольцо, лицо Катрин слегка изменилось. Она не ожидала от него этих слов. Она думала, что этот вечер будет как и предыдущие, а о замужестве она пока не подумывала всерьез.

— Джек, ну, мне... надо... подумать. Я... не могу... принять сразу такое решение, — сказала Катрин, перебирая слова и делая огромную паузу перед каждым из них.

Джек так и остался сидеть с протянутой рукой. Открытая бархатная коробочка лежала на его ладони, но Катрин даже не прикоснулась к ней. Она смотрела куда-то в сторону, избегая его взгляда. Джек почувствовал, как к горлу подступает тяжелый ком, а рука с кольцом начинает мелко дрожать от обиды и стыда.

Он медленно опустил руку и аккуратно поставил открытую коробочку на стол, прямо между нетронутыми десертами и бокалами с игристым вином. Кольцо продолжало блестеть при мягком свете ламп кафе, но теперь оно казалось Джеку чужим и ненужным. Напряжение между ними стало настолько густым, что было тяжело дышать. Джек слотнул, попытался вернуть на лицо свою привычную вежливую улыбку, которую всегда использовал на работе с клиентами, но у него ничего не вышло.

— Сколько времени тебе нужно, Катрин? — тихо спросил он, глядя на кольцо, которое так и осталось сиротливо стоять на столе.

— Джек, я не знаю. Я сама тебе об этом скажу. А кольцо заberi, пожалуйста. Еще не время для кольца.

После этих слов по телу Джека пробежал неистовый холод. Он едва сдерживал себя и старался не подавать виду, подменяя свое истинное состояние фальшивой улыбкой и смехом. Через несколько минут Катрин ушла, оставив Джека в полном одиночестве со своим кольцом. Посидев еще немного, он собрался и пошел домой, забрав кольцо с собой.

Как оказалось, еще до этой встречи с Джеком Катрин разговаривала о нем со своими подругами. Одна из них тогда сказала: «Да зачем он тебе нужен, этот клерк с мизерным жалованием?» В итоге эти самые подруги посеяли в ней семя сомнения насчет ее парня и их отношений, которые в её сердце и без того не были прочными.

И как вы могли уже догадаться и без моих слов, они расстались. Первые два месяца Джек не мог себе места найти. Его не радовали ни работа, ни постоянные посетители с их улыбками. Прошло без малого полгода, пока он пришел в себя после этого первого горького опыта. Жизнь постепенно текла своим чередом, пока в один из обычных рабочих дней привычный ритм Джека не был безжалостно нарушен. Он, как всегда, сидел за своим компьютером у стойки, принимая бесконечный поток гражданских лиц. Очередь двигалась медленно, Джек механически вбивал данные в базу, пока к его столу не подошли следующие посетители.

Джек поднял глаза от монитора, собираясь привычно улыбнуться и поздороваться, но слова застряли у него в горле. Перед ним стояла Катрин. Но она была не одна. Рядом с ней стоял молодой человек, от одного вида которого за версту веяло большими деньгами: дорогой сшитый на заказ костюм, идеальная укладка и дорогие часы на запястье. Было очевидно, что этот парень из довольно-таки богатой семьи — как раз из тех, о ком Катрин так много шептались ее подруги.

— Вот же су...а ты такая. Вон на кого ты, значит, променяла мою любовь», — про себя подумал Джек, при этом став фальшиво улыбаться, как и всем другим посетителям.

После обслуживания эта парочка ушла. На лице Катрин, была такая мимика словно Джека она впервые видела, чего не скажешь про него.

Спустя пару месяцев, он повстречал другую девушку, имя этой прекрасной особы было — Луиза. Джек, конечно же, этого не замечал, но я со стороны наблюдал, что эти его отношения с Луизой были словно день сурка, вот только повлиять на это я, к сожалению, не мог. Все то же кафе, почти все те же слова он говорил, что и при первом знакомстве, только вот сам он этого не замечал. Знаете, друзья, все шло как по заведомо спланированному сценарию. Луиза хоть и не была внешне похожа на Катрин, но в ее улыбке и общении можно было заметить какой-то холод и непостоянство, чего, конечно же, не замечал наш с вами герой. Или не хотел замечать, или... я не знаю, как это и назвать.

Спустя несколько месяцев знакомства с Луизой Джек отважился сделать ей предложение руки и сердца. Ах, Джек, если бы ты знал, какую огромную ошибку ты делаешь. Друзья мои, я не стану преждевременно забегать вперед и говорить об ошибке Джека, думаю, вы и сами увидите ее.

Действия развиваются все в том же привычном нам кафе, что и всегда. Несмотря на то, что в городе было еще много кафешек, наш герой решил привести свою вторую девушку именно сюда. Не знаю как вы, друзья, но я на этот вопрос так и не смог найти ответа: зачем он привел свою вторую девушку в то же самое кафе, в которое раньше приводил бывшую. Может, вам это покажется феноменальным или вовсе нелепым, но и столик был все тот же. Да, согласен, на первый взгляд это покажется странным, но, так или иначе, это правда.

— Луиза, — тихо заговорил Джек, глядя на нее через столик. — Я хочу сказать тебе кое-что очень важное. До встречи с тобой я был уверен, что в этом огромном городе меня уже ничего не держит, а мое сердце окончательно остыло. Но ты появилась в моей жизни как тихое спасение. Твой взгляд, твоя улыбка — они вернули мне веру в то, что я могу быть счастлив. Рядом с тобой я чувствую себя по-настоящему живым и спокойным. Я хочу делить с тобой каждый свой день, оберегать тебя и вместе строить наше будущее.

Джек глубоко вздохнул, его ладонь слегка дрогнула, когда он опустил руку в карман. Он медленно достал уже знакомую нам бархатную коробочку, открыл её и мягко пододвинул по столу ближе к Луизе. Внутри, в теплом свете ламп кафе, снова блеснуло кольцо.

— Луиза, ты выйдешь за меня?

— О, Джек, я согласна! — сказала Луиза и тут же, взяв кольцо, надела его на палец.

Вы, друзья мои, наверняка задались вопросом: «А где же ошибка?» Но уверяю вас, все еще впереди, и дело примет ох какой крутой поворот.

Прошло пары-тройки недель, пока наши влюбленные купались в лучах любви, даже не замечая, как над их отношениями надвигается грозовая туча. Гуляя по одному из парков города, навстречу нашей парочке как раз-то и надвигалась та самая туча.

— Луиза? Привет. Как дела? Ты что тут делаешь и кто этот молодой человек? — засыпал Луизу вопросами какой-то незнакомец.

— О, Виктор... Привет. Ну, это Джек. Джек, познакомься, это Виктор. Он... — Луиза замолчала на полуслове, так как совершенно не знала, как именно представить Виктора.

На пару минут над этой компанией повисла полная тишина. На лицах парней читалась крайняя обескураженность.

Как оказалось позже, Виктор — это не кто иной, как парень Луизы, в отношениях с которым она еще не расставила все точки над «и», когда уже приняла предложение Джека.

Пока Луиза стояла и искала слова, чтобы объясниться с парнями, они сами отошли в сторонку и поговорили.

— Джек, скажи, что происходит?

— Виктор, я парень Луизы. Я сделал ей предложение руки и сердца, и она взяла кольцо. Ну а ты кто такой?

— Кто я такой? Хм, интересно как получается. Я и есть парень Луизы. Она мне пообещала подумать над моим предложением руки и сердца, и до сих пор я жду от нее ответа.

Спустя еще несколько минут выяснения отношений каждый из них разошелся по домам. Идя домой, Джек никак не мог поверить в случившееся. Его ноги сами привели его к одному из лондонских мостов. Парень остановился у каменных перил и стал отрешенно смотреть вниз, на темную, медленно текущую воду. В голове был полный хаос, а в груди горела обида от очередного предательства. Джек опустил руку в карман и нащупал кольцо, которое Луиза вернула ему перед тем, как они разошлись. Он достал его и пару секунд просто разглядывал, как металл тускло блестит в свете ночных фонарей. Разжав пальцы, Джек выбросил его прямо в воду. Раздался едва слышный всплеск, и кольцо навсегда исчезло на темном дне мегаполиса. Вместе с ним на дно ушла и его вера в искренние чувства.

С тех пор прошло три года. После Луизы у Джека были еще две девушки, с которыми парню так же не повезло, но их имена никак не повлияют на ход предстоящих событий, способных войти в понимание далеко не каждого человека.

Однажды, в предвыходной день, Джек шел по улице и решил зайти в кафе и немного оттянуться. В этот раз он решил сделать это чисто по-мужски: не со стаканчиком кофе или вина, а с чем-то более крепким. Пробыл он там до того времени, как эта кафешка стала закрываться, а было это ближе к полуночи. Можете и не сомневаться, друзья мои, кафе было совсем иным, а не его привычным. В свое привычное кафе после последнего фиаско с девушкой он больше не заходил, от слова «никогда». Выпил он немало, но и не столько, чтобы не мог стоять на ногах, однако достаточно, чтобы почувствовать себя настоящим мужчиной.

«Ах, Джек, ну что с тобой? Зачем ты так много выпил, а? Думаешь, этим ты сможешь залить свои неудачи или станешь другим человеком? Ты просто неудачник и нищий клерк, и только. Ты настолько жалок, что даже не смог найти себе девушку!»

Такие вот мысли посещали нашего паренька, пока он шел по одной из улиц. Он просто бродил по городу, хаотично сменяя одну улицу за другой, пока наконец не дошел до поистине загадочного места. Это было то самое заведение, которого днем не видно и с виду оно ничем не примечательно. Название этого места было весьма справедливым — The Oasis (Оазис). Своим названием это тихое с виду заведение манило тех, кто был разочарован повседневной жизнью.

Сюда стекались люди разных мастей: начиная от мужчин с разбитыми сердцами, наподобие нашего героя, и заканчивая теми, от кого за милю несло дорогим парфюмом.

Подойдя к двери, он еще пару минут был в раздумьях на то, что бы ее открыть. И вот, дверь открылась. Перед ним, открылась не просто дверь, а дверь, за которой была совсем иная жизнь, привычной повседневным серым будним.

Здесь его сразу обдало волной тепла, ароматом дорогого кальяна, хорошего алкоголя и едва уловимым шлейфом женских духов. Полумрак зала приятно резал глаза после резкого света лондонских уличных фонарей. Мягкий, обволакивающий неоновый свет — смесь глубокого синего и приглушенного розового — окрашивал лица гостей. Из скрытых динамиков доносился томный, расслабляющий лоу-фай, полностью заглушая шум вечно спешащего снаружи мегаполиса.

Джек сделал глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в руках. Алкоголь, выпитый до этого в тихой кафешке, приятно шумел в голове, но не помогал забыться. На дворе была глубокая ночь, полуночный Лондон затих, а Джек всё никак не мог выкинуть из головы свои прошлые неудачи. После очередного фиаско с обычными девушками, которые видели в нем лишь нищего клерка с копеечной зарплатой, он сдался. И пришел сюда намеренно. Он решил купить то, что другие получали даром — женское тепло и заботу.

Он сел за барную стойку и заказал еще виски. Сердце бешено колотилось от стыда и решимости одновременно. В этот момент к нему мягкой походкой подошла девушка. Приталенное платье, открытые плечи, во взгляде — привычная профессиональная готовность очаровывать. Это была Элис.

— Привет, красавчик. Не угостишь даму? — она улыбнулась дежурной, отточенной улыбкой, оценивая его слегка хмельной и потерянный вид.

Джек повернулся к ней. В его глазах не было похоти, только бездонная, выжигающая душу тоска. Он вытащил из кармана купюры и пододвинул к ней по столу.

— Мне нужна комната сверху, — хрипло сказал Джек, глядя ей прямо в глаза.

— Ну, пошли, красавчик, — уверенным голосом ответила Элис.

Оказавшись в одном из номеров заведения, Элис в привычной манере опустилась на постель. Медленно и уверенно она начала снимать одежду. Взглядом и жестами рук она манила к себе Джека — разыгрывая привычный сценарий, где она была жертвой, а он — хищником.

— Элис, послушай, мне от тебя кое-что нужно.

— Говори, дорогой, я вся твоя.

— Пожалуйста... подыграй мне. Побудь моей девушкой. Импровизируй. Скажи мне те ласковые, теплые слова, которые говорят любящие женщины, когда мужчина приходит домой усталым. Мне нужно услышать, что я кому-то дорог.

«Ну ничего себе предьявы», — возмущенно подумала Элис. Но вслух произнесла совсем другое:

— Для меня это непривычно, но... я постараюсь.

Джек слышал, что в ее голосе звучит сплошная растерянность. Эта импровизация была не чем иным, как простым набором слов, лишенным всякого тепла. Фальшь раздражала его еще сильнее.

— Так, прошу тебя, остановись.

— Джек, прости, я что-то сделала не так?

— Давай я начну первым, а ты потом подхватишь мои слова и войдешь в ритм.

Джек выключил в номере свет, оставив лишь мягкий полумрак. Затем он включил стоявшую рядом акустическую систему и выбрал спокойную композицию, добавив и без того интимной атмосфере особую гармонию. Подойдя к Элис, он нежно взял ее за талию. Сблизившись телами, они закружились в медленном танце, в полном безмолвии. Здесь время текло гораздо медленнее, чем у барных стоек, где оно стремительно летело для полупьяных клиентов. Погодя

немного, Джек стал шептать ей на ухо слова любви. Он делал это не намеренно, не учил текст заранее. Всё случилось само по себе.

«Ну ничего себе клиент... Таких у меня еще ни разу не было. Кто он вообще такой и откуда взялся? С луны свалился, что ли? Или пришельцы случайно забросили его на эту планету? А от его слов у меня просто кругом идет голова. Даже от самого крепкого виски так не штормило, как от этого шепота», — Элис продолжала кружиться в танце, в полном недоумении перебирая эти мысли.

Но вот композиция закончилась. В моменты, когда Джек умолкал, подбирая нужные слова, Элис изо всех сил старалась ему подыграть — несмотря на то, что всё это было для нее в новинку.

Для неё было обычным делом ублажить очередного богатенького клиента и сразу переключиться на другого. Но этот парень почему-то заставил её остановиться. Не прошло и пяти минут, как эта парочка на постели воссоздала живой роденовский сюжет. Спустя еще полчаса Джек стал собираться домой. Странно, но это было фактом: он оказался последним клиентом на сегодняшний вечер.

Наступила глубокая ночь. Джек уже лежал у себя дома в постели, но сон не шел, и он вел мысленный разговор с самим собой:

— Ах, Элис, до чего же ты была потрясающая... Джек, ты обалдел? Ты же знаешь, кто она. Да, знаю, и что с того? Луиза была ничем не лучше. На Элис хотя бы никто больше не претендует. А аромат её тела... он ведь ни с чем не сравним. У меня было много девушек, но рядом с Элис я впервые почувствовал нечто подобное... ВСЁ, ХВАТИТ! Давай спать. Надоел уже.

Вот такой, друзья, был монолог с самим собой у нашего героя.

Наступили будни, которые стремительно сменяли друг друга. Клерк в своей привычной манере обслуживал посетителей. За долгое время работы он делал это уже чисто интуитивно. Но мысли об Элис его не покидали. А под конец рабочего дня один случай его и вовсе добил. Взяв дело последнего клиента, он судорожно взглянул на имя, перечитывая его дважды:

Элис Моррисон.

Только вы не подумайте, это была не та самая Элис, которая проводит большую часть времени у барной стойки, маня своей неистовой красотой клиентов. Это была пожилая леди почтенного возраста, которой перевалило за шестьдесят. Джека ввело в полный ступор её имя, ибо оно твердо и решительно напомнило ему о той самой Элис, с которой он некогда кружил в танце. Этим глубоким вечером он решил снова пойти в «Оазис» и погрузиться в него телом и душой. Спустя несколько минут он уже сидел у барной стойки.

— Пришел развлечься? Я могу это устроить. Пошли со мной, будешь моим господином, а я — твоей рабыней.

Этот голос показался ему непривычным и холодным. Ведь это была далеко не Элис. С ним заигрывала одна из ночных бабочек «Оазиса», коллега той, кого так страстно ждал Джек, — её звали Клэр. Но не успел он обернуться, как тут же услышал еще один голос:

— Клэр, этот красавчик мой, — тигриным тоном отрезала та самая Элис.

Хоть все девочки были равны, к голосу Элис прислушивались многие. Может, она завоевала себе такой авторитет, а может, они просто её уважали. После того как Клэр ушла, у Джека просияли глаза, по которым можно было понять, насколько он рад видеть Элис.

— Элис, привет, детка.

— Привет, Джек. Смотрю, робкость твоя прошла и ты стал смелее, нежели в первый раз. Не так ли?

— Ах, Элис, если бы ты знала, как я долго ждал этой встречи!

— Ну тогда пошли наверх?

Всё тот же номер, всё та же интимная обстановка, сближающая двух людей. В этот раз они уже не кружили в танце, как это было при первой их встрече. В этот раз Элис вела себя именно так, как этого хотел Джек. Не знаю, друзья мои, то ли она полностью импровизировала, то ли поверила в искренность собственных чувств, но она говорила слова любви, нежности и тепла так, как сделала бы любая любящая женщина. Джек даже не стал её просить об этом. Быть может, вы и не поверите, но, зайдя в номер, Элис отбросила привычную манеру поведения. И от этого наш парень, заключённый в объятия женщины, на миг позабыл, где и с кем он находится.

Приоткрыв тихонько дверь их временной обители, я не смог сдержать любопытства и краем уха стал слушать, о чём они говорили. Этим разговором, друзья, я и хочу поделиться с вами.

— ...Я люблю тебя, Джек, — тихо, согревая его своим дыханием, прошептала Элис. — Мой хороший, мой ласковый... Если бы ты только знал, как сильно я тебя люблю. Вся моя жизнь до встречи с тобой была пустой, но рядом с тобой я наконец-то чувствую себя живой. Этот час, который ты оплатил, — такая глупость. Забудь о нём. Сейчас я вся твоя. Я так сильно люблю тебя, мой родной...

Джек замер. От этих простых и нежных слов у него внутри всё перевернулось, а к горлу подступил ком от счастья. Он крепко прижал её к себе, зарылся лицом в её волосы и ответил:

— И я люблю тебя, Элис. Моя нежная, моя самая любимая девочка... Я с ума сходил на работе, считая минуты до вечера, лишь бы снова тебя обнять. Ты — моё счастье. Я никогда и никого так не любил, как тебя.

— Любимый мой... единственный... — шептала она, нежно лаская его лицо.

В этих тихих словах было столько искренности и глубины, что они буквально купались в своей любви. В этот миг для них не существовало ничего вокруг — они полностью растворились в тепле друг друга, позабыв обо всём мире за дверью.

Друзья, далее я тихо закрыл дверь и просто ушёл. Потому что вслед за этими словами любви последовало нечто более горячее, заключённое уже в их телах.

За дверью их обители этот час пролетел как одно мгновение. Но в самом номере время словно остановилось — для них этот час превратился в настоящую вечность. И снова Джек, одевшись и выйдя из «Оазиса», направлялся к себе домой. На его лице можно было наблюдать все чувства, которые оставили эти мгновения с Элис. Словом, на нём было написано глубокое непонимание сложившейся обстановки, а также чувство переполняющей любви и восторженности.

Так продолжалось несколько месяцев. Вся эта импровизация праведной любви между проституткой и клерком в итоге больно ударила по обоим. Ведь, несмотря на то, что Элис принадлежала совсем к другому миру, у неё тоже было сердце. Да, кроме Джека через её номер проходило множество клиентов, и этого факта не скроешь. Но стоило ему уйти, как для каждого из них возвращалось привычное жизненное русло. Элис после минут с Джеком было невыносимо тяжело переключаться на других мужчин, ведь только с ним она на миг чувствовала себя настоящей.

Одна из ночей после серых будней.

— Джек, старина, что с тобой случилось? — снова донимал его внутренний голос. — После первой встречи с Элис тебе стало только больнее. Пора бы прекратить всё это, вы и так зашли слишком далеко. Ты же знаешь, что быть вместе вам не суждено, и это факт. Так зачем ты пытаешься жить этой призрачной любовью? Начни жизнь с чистого листа!

— Да, но я же пробовал, — тихо отвечал он сам себе в темноту. — И много раз. Но у меня так ничего и не получилось...

Еще долго Джек блуждал в своих мыслях. Но в конце концов он пришёл к окончательному решению, хотя в глубине души оно его совсем не радовало:

— Да, пора во всей этой истории расставить точки над «и».

И снова «Оазис», снова всё повторяется. Но только вместо слов любви, которые согревали их обоих на протяжении нескольких месяцев, теперь прозвучали до боли холодные слова. И всё же, несмотря на всю свою жестокость, они должны были навсегда снять этот тяжёлый камень с души каждого из них.

Элис, детка, ты прости, но я должен кое-что сказать тебе.

— Что именно, дорогой?

— Я долго думал о наших отношениях. Я не могу назвать их ошибкой, но и продолжать всё это тоже нельзя. Ты и сама знаешь, насколько нам обоим тяжело. Ты хоть и не говоришь мне об этом, но я вижу. Знаешь, если бы я был просто одним из твоих холодных клиентов, возможно, тебе было бы легче. Но я же вижу, что на протяжении этих нескольких месяцев у тебя внутри сплошная агония.

«Ах, Джек, если бы ты только знал, насколько ты прав... Но кроме этой агонии во мне живёт ещё одно, согревающее чувство, про которое я не могу тебе рассказать. И я лишь выдаю его за импровизацию», — горько подумала про себя Элис.

— Да, Джек, ты прав, и я полностью с тобой согласна. Знаешь, мне ведь и вправду становилось тепло на душе рядом с тобой. Все остальные видели во мне лишь похотливую плоть. Но тебе нужно идти дальше, построить свою личную жизнь. А я... я так и останусь в стенах этого «Оазиса», вернусь в своё привычное русло. И чтобы тебя не терзало чувство вины, просто думай, что я была лишь твоим прекрасным сном.

На этом герои расстались, и была это их последняя встреча.

С тех пор прошёл год. Клерк всё так же занимался привычной рутинной, изо всех сил стараясь забыть пережитое, и у него почти получилось. Но случилось то, что вновь заставило старые раны кровоточить.

Утро. Час пик в автобусе, где каждый спешит по своим делам. Людской поток зажал нашего клерка где-то посередине, сдавив со всех сторон. В салон запрыгнул последний пассажир, двери с шипением захлопнулись, и машина тронулась. Этим последним пассажиром оказалась та самая женщина из его прошлого. Да, друзья, вы не ошиблись — это была не кто иная, как Элис. Спустя пару минут, когда она протиснулась немного вперёд, их взгляды пересеклись. И в ту же секунду весь шум автобуса словно исчез, уступив место звенящей тишине, будто мир вокруг замер в ожидании. Они пристально смотрели друг на друга, и в душах обоих лавиной вспыхнули воспоминания о минувших днях. В полном безмолвии их глаза налились невидимыми для толпы слезами, а к горлу подступил тяжёлый ком.

Эту звенящую тишину безжалостно разрушил голос кондуктора, объявивший нужную Элис остановку. Автобус затормозил, двери распахнулись. Людской поток словно силой выталкивал её на улицу, но до самой последней секунды она неотрывно смотрела в глаза Джеку. Смотрела так, будто прощалась с ним навсегда и пыталась навечно запомнить этот родной взгляд, чтобы уже никогда его не потерять. Джек в свою очередь тоже не сводил с неё глаз. Даже когда она вышла из автобуса, он продолжал провожать её взглядом сквозь стекло, пока её силуэт окончательно не растворился в толпе людей, словно призрачная фигура.

С тех пор как Джек покинул родной город и начал жизнь с чистого листа, минуло целых десять лет. Все эти годы он скитался по разным городам и штатам, но обрести душевный покой и найти ту самую женщину ему так и не удалось. И в какой-то момент им овладело непреодолимое желание: вернуться в Лондон, шагнуть, как в старые добрые времена, за порог «Оазиса» и снова встретить там Элис. Но он так и не решился вернуться в Лондон, о чём позже горько сожалел всю оставшуюся жизнь.

Потеряв последнюю надежду найти своё счастье, Джек окончательно сломался, и внутренний свет угас в нём навсегда. Прошли годы. Став глубоким стариком, уставшим от бренности и серости своего существования, ему не оставалось ничего другого, как коротать дни в чужих краях, предаваясь пылким воспоминаниям о той единственной, далёкой Элис. А поки-

дая этот мир, последнее, что произнесли его усталые губы, было имя той, с которой ему когда-то было так хорошо. Элис.

Друзья мои, уверен, вам очень хочется узнать, как сложилась дальнейшая судьба Элис. То, как она прожила свои годы, я оставляю на волю вашей фантазии. Единственное, что я могу сказать вам наверняка: она ушла из жизни ровно на год раньше Джека.

Действующие лица:

Джек — главный герой.

Катрин — первая девушка Джека.

Луиза — вторая девушка Джека.

Виктор — первый парень Луизы.

Элис — проститутка ночного заведения Оазис.

Клэр — проститутка ночного заведения Оазис.

Миссис Грин — посетительница, которую обслуживал Джек.

Элис Моррисон — еще одна посетительница, которую обслуживал Джек.

Глава 2

Полицейский и проститутка

Говорят, из грязной колеи невозможно выйти чистым. В каком-то городе, какой-то страны жила женщина, чья жизнь давно превратилась в бесконечный конвейер: ночной притон, облава, наручники и холодные стены полицейского участка. Но судьба раз за разом сталкивала её с одним и тем же человеком в форме. Он не наказывал её — он с ней разговаривал. Эти этические беседы в душной допросной поначалу казались ей чушью, но капля за каплей они точили камень её цинизма. Это история о том, как обычный добрый полицейский смог вернуть человеку душу, которую все остальные считали потерянной.

В одном безымянном городе, затерянном посреди огромной и холодной страны, был полицейский участок, куда стекалась вся ночная грязь. Раз за разом, когда полиция вскрывала двери очередного подпольного борделя, оперативники выводили оттуда десятки изломанных жизней. Притоны были переполнены — сотни девушек продавали себя, растворяясь в фальшивом блеске ночных грёз и дешевого неона, а затем безликим потоком проходили через дежурную часть.

Но среди всей этой огромной, серой массы ночных бабочек была одна, которая попадалась чаще других. Едва двери камер успевали за ней закрыться, как через месяц её волокли в участок снова. Для большинства сотрудников она была лишь очередной строчкой в протоколе. Но для одного полицейского она стала личным вызовом. Вместо стандартных допросов и брезгливых взглядов, он раз за разом начинал с ней долгие, тихие разговоры о морали, выборе и о том, что из этой грязной колеи все еще можно выбраться...

— Снова ты, — вздохнул человек в форме, не поднимая глаз от бумаг.

— Снова я, — огрызнулась девушка, поправляя размазанную помаду.

— Тебе не надоело? — тихо спросил полицейский.

Пленница ночного притона лишь горько ухмыльнулась, глядя на свои ободранные ногти.

— Хватит меня учить жизни.

Девушка резко отвернулась к забитому досками окну и скрестила руки на груди.

— Я не учу, я спрашиваю, — мужчина отставил в сторону остывший чай.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он.

— А у меня есть выбор? — тихо ответила она.

— Выбор есть всегда, — уверенно сказал он.

— Хм, только не у меня, — с ухмылкой ответила она и дернула плечом, словно пытаясь сбросить остатки ночной усталости.

Мужчина потер переносицу, устало глядя на нее поверх стола:

— Я смотрю, наши с тобой беседы не идут тебе на пользу.

— А я ведь тебе говорила, чтобы ты меня не учил жить, — она резко подалась вперед, и в ее глазах на секунду блеснула настоящая, живая злость.

— М-да, — сквозь зубы процедил он.

— Так что будешь делать со мной на сей раз? По этапу отправишь или будешь продолжать лечить, доктор? — бесстрашным голосом спросила она.

Полицейский на несколько минут погрузился в безмолвие, уткнувшись носом в её личное дело. Она в это время замерла в ожидании, пристально глядя в его сторону. Тишину, которая повисла в воздухе, нарушил один из зашедших в кабинет инспекторов.

— Что будем делать с этой ночной бабочкой? На дворе глубокая полночь, хочется домой поспать. Мы и так сегодня здорово задержались.

— Вы можете отправляться домой, а я еще побуду в участке, мне нужно заполнить отчет. Один за другим сотрудники, разделившие эту тяжелую смену с полицейским, тихо покинули кабинет. В участке остались только он и она, не считая двух дежурных, оставшихся для охраны периметра.

— Та дорога, по которой ты идешь, ведет в никуда. Ты это понимаешь?

— То, о чем ты говоришь, — это всего лишь привычный образ жизни для меня. Это мой мир. А такие, как ты, этот мир пытаются разрушить, лишая возможности в нем заработать.

— Притонную жизнь ты называешь миром? — с огромным удивлением спросил он.

— А разве тебе глубоко не наплевать на таких, как я? Почему ты заикнулся на мне? У тебя что, никого в твоём мире нет, что ты суешься в мой мир и, вытаскивая меня из него, суешь в камеру? — засыпала она его вопросами.

— Честно сказать, я и сам не знаю, почему именно ты, а не кто-то другой, — он на секунду отвел взгляд, а затем снова посмотрел ей прямо в глаза.

— А насчет меня

У меня есть работа, которая мне нравится. И я хочу не просто сажать таких, как ты, за решетку, а помочь больше не попасть за нее.

— Помочь не попасть за решетку? — она горько усмехнулась. — Хм, интересно как. И ты думаешь, что твои слова о том, что так делать нельзя, помогут? Ты хоть знаешь, что пытаешься перестроить многолетнюю иерархию моего мира? Системы, которая была создана задолго до тебя. Ты всё еще уверен, что можешь изменить весь мир? Ты ведь не в силах изменить работу даже этого учреждения. Тебе не подвластна даже часть твоих собственных сотрудников, а ты замахнулся на многовековой порядок вещей.

— Я вовсе не пытаюсь изменить весь мир, — спокойно ответил он, — да и при чем тут он? Речь идет не обо всем мире, а именно о том, в котором живешь ты.

— Послушай, коп, ты меня уже измучил своими разговорами о морали, — она раздраженно выдохнула и скрестила руки на груди. — А насчет мира

Ты глаза-то открой. Посмотри вокруг: от твоего благополучного мира скоро ничего не останется. Мой мир теперь повсюду, пришло наше время. Закрывая один притон, ты ничего не решаешь — вместо него открываются два новых.

— А знаешь, ты меня своим упрямством тоже надоела. Посидишь ночь в участке а утром решу что с тобой делать.

Полицейский ушёл домой, а в камере, где в полном одиночестве пребывала ночная бабочка, кроме абсолютной тишины, царила сама бессонница. Какие образы в ту минуту витали перед глазами этого ночного мотылька — неизвестно. Этими мыслями она не поделилась даже со мной.

И вот наступило очередное утро. Скрежет ключа в замке разорвал тяжёлую тишину, и на пороге камеры появился вчерашний полицейский. Он выглядел посвежевшим после короткого домашнего сна.

— Доброе утро, — спокойно произнёс он, окинув её взглядом. — Ну что, выспалась?

— Нет, я не спала, — она медленно подняла голову, и в её усталых глазах промелькнуло что-то странное.

— Всю ночь думала о тебе.

— Обо мне? — он удивлённо приподнял бровь, но тут же усмехнулся, пряча смущение за привычной иронией. — Хм, так вот почему я всю ночь ворочался с боку на бок. В следующий раз думай о ком-нибудь другом.

— Послушай, может я вчера был с тобой и груб, но я и в парвду хочу помочь тебе. Ты думаешь, что это твой мир и ты в нем зарабатываешь? Но этот мир принадлежит сутенерам. Ты для них — просто товар с коротким сроком годности. Через 5–7 лет ты потеряешь здоровье и свежесть. И твой "мир" вышвырнет тебя на помойку, даже не заметив. У тебя есть план, что ты

будешь делать, когда твой единственный капитал — молодость — закончится? Ты говоришь, что это твой выбор. Но разве ты мечтала об этом в детстве? Каково это — каждый день отдавать свое тело людям, которых ты презираешь, за бумажки, которые тут же уходят на аренду и дешевую косметику? Ты продаешь не просто время, ты по кусочкам отдаешь свою душу. И когда-нибудь ты проснешься и поймешь, что внутри тебя ничего не осталось. Совсем ничего.

Знаешь, почему я заиклился на тебе? Потому что я устал выезжать на опознания. Каждые несколько месяцев в сточной канаве или на заброшке находят очередную такую "бабочку". Передозировка, пьяный клиент, нож в спину от сутенера. И знаешь, что самое страшное? Их личные дела годами лежат в архиве, и никто — ни одна живая душа — не приходит их искать. Их хоронят в безымянных могилах под номерами. Я не хочу, чтобы через пару лет на моем столе лежало твое фото из морга с пометкой "личность не установлена"!

Она застыла в холодном оцепенении, слушая его. А он всё продолжал наседать, тем самым медленно и верно разрушая её броню иллюзий и упёртости:

— Ты называешь это «своим миром» и возможностью заработать? — он резко поднялся со стула, подошел к решетке и посмотрел на нее сверху вниз, без тени жалости. — Хватит врать самой себе. Ты прекрасно знаешь, как устроен твой заработок. Каждый божий день через твое тело проходят десятки пьяных, потных, чужих мужиков, которым плевать на то, что у тебя внутри. Они покупают тебя на час, как кусок мяса, выжимают и уходят. А ты потом отмываешься в душе, пытаешься содрать с себя эту грязь, и закидываешься таблетками или алкоголем, чтобы просто не сойти с ума от отвращения к самой себе.

Он сделал шаг назад и заложил руки за спину.

— Твои хозяева забирают две трети, а тебе остаются копейки на аренду угла и дешевые шмотки. Ты уничтожаешь свое здоровье, ломаешь психику и терпишь унижения просто за право не умереть с голоду. И ради этого ты со мной споришь? Ради этого ты так отчаянно держишься за свою колею? Ты не мир свой защищаешь, ты просто боишься признать, что превратилась в бесплатную подстилку для этой системы.

В камере повисла мертвая, звенящая тишина. Впервые за все время её ухмылка не просто исчезла — её лицо побледнело, а губы задрожали от подступившей ярости и стыда. Этот удар попал точно в цель, в самую глубь её скрываемого унижения. Броня раскололась, и у неё уже не осталось сил сдерживать слёзы. Она закрыла лицо ладонями, и её плечи судорожно заходили ходуном. Весь тот цинизм, который она годами копила, чтобы защищаться от этого жестокого мира, сейчас выходил наружу вместе с горькими, беззвучными рыданиями.

Разговор, который казался законченным, на самом деле еще не был окончен. Но в минуту этой тяжелой паузы в кабинет резко зашел один из офицеров:

— Срочно выезжаем на вызов! Вооруженное ограбление с захватом заложников.

Покидая кабинет, полицейский напоследок обернулся к ней:

— Жди. Наш разговор еще не окончен.

Прошло некоторое время, и оперативники возвратились с задания. Но не все. Тот самый полицейский, который зажег искорку надежды в ночной бабочке, не вернулся. Сама она всё это время пребывала в холодной и душной камере, оглушенная его последними словами.

Вместо пропавшего сотрудника на смену временно поставили другого офицера. Сев за стол, новый дежурный ознакомился со знакомым нам делом, которое так и осталось открытым на столе его предшественника.— Так, что тут у нас? Угу, угу, понятно

— вздыхая, он листал страницу за страницей.

Уже к вечеру бабочку наконец выпустили на свободу. К тому времени, как она добралась до своего скромного жилища, где жила вне притона, на город окончательно опустилась ночь. Завалившись на старенький диван и ужиная на скорую руку, она включила телевизор, по которому шел повтор вечернего выпуска новостей.

Из динамиков старенького телевизора раздался тревожный голос ведущей, сменяющийся кадрами с места событий, где всюду мигали сине-красные маячки: «...

Срочное сообщение к этому часу. Нам стали известны подробности вооруженного ограбления с захватом заложников, произошедшего сегодня днем. Благодаря оперативным и слаженным действиям прибывшего наряда полиции, все заложники были успешно освобождены, а нападавший заблокирован и обезврежен. Однако в процессе штурма и задержания преступника один из сотрудников полиции получил тяжелое огнестрельное ранение. По сообщениям медиков, оперативник был экстренно доставлен в городскую клиническую больницу. В данные минуты врачи борются за его жизнь, пострадавший находится в критическом состоянии...» На экране на секунду промелькнули кадры, как носилки с раненым завозят в двери скорой помощи.

Из-под накинутой куртки на секунду показался знакомый профиль. Это был тот самый полицейский, который всё это время пытался ей помочь.

А теперь помощь требовалась ему самому. Но страшная правда заключалась в том, что в эти минуты, когда он лежал на операционном столе, ему никто, кроме самого себя, не был в силах помочь. Всё решала лишь его собственная воля к жизни.

Следующий день был сплошным испытанием для его организма. Ему провели две сложные операции, после чего он провел еще пару дней в реанимации. И лишь когда состояние стабилизировалось, его наконец перевели в индивидуальную палату. Близких и родных у него не было, лишь время от времени его навещали коллеги по работе. В один прекрасный день к нему в палату зашла палатная медсестра.

— Это вам просили передать, — улыбнулась она, ставя на тумбочку шуршащий пакет с яблоками и крупными апельсинами.

Поверх фруктов лежала одна-единственная белая роза — скромная, без лишней упаковки, но удивительно живая на фоне больничного кафеля.

Полицейский удивленно приподнялся на подушках, поморщившись от резкой боли в груди:

— Мне? А от кого?

— Да девушка какая-то приходила, — медсестра поправила капельницу. — Молоденькая, симпатичная, только куталась в воротник, будто простужена. Сама зайти постеснялась, просила вам лично в руки отдать. Сказала только: «Передайте, что я всё поняла».

Медсестра вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Мужчина остался один. Он долго смотрел на бледные лепестки белой розы, и на его бледных губах впервые за все эти тяжелые дни появилась слабая, но по-настоящему теплая улыбка. Искорка, которую он так отчаянно пытался зажечь в ночной камере, всё-таки принялась.

Весь оставшийся день и всю последующую ночь она не находила себе места. Образ бледного, раненного в перестрелке полицейского, который она увидела в новостях, не выходил у неё из головы. Она без конца прокручивала в памяти его жесткие, но честные слова в камере и гадала: передала ли медсестра тот пакет? Понял ли он, от кого этот цветок?

Внутри неё шла жестокая борьба. Привычный страх перед прошлым шептал ей остаться в своей квартире и забыть всё, как страшный сон. Но тонущее чувство благодарности к человеку, который едва не погиб, упрямо тянуло её обратно в больничные коридоры. И это новое чувство победило.

На следующий день, переборов все свои сомнения, она пришла сама. Она долго стояла в больничном коридоре, разглядывая белую табличку на двери палаты, прежде чем её подрагивающая рука наконец коснулась ручки.

Дверь тихо приоткрылась, и она нерешительно замерла на пороге. Он в это время спал и не услышал, как кто-то вошёл. Стараясь не шуметь, девушка прошмыгнула вглубь палаты и

тихонько присела на свободный стул неподалёку от его постели. Несколько минут она просто сидела рядом и молча смотрела на него.

Палата была хорошо освещена белыми лампами дневного света. Она всматривалась в его лицо и понимала, насколько оно изменилось. Одно дело — вспоминать его суровый силуэт там, по ту сторону решётки полицейского участка, где он казался нерушимой стеной закона. И совсем другое — видеть его сейчас, без формы и привычного грозного вида. Офицерская строгость куда-то испарилась, уступив место обычной человеческой усталости. Даже после реанимации он не выглядел слабым, но сейчас, во сне, в его чертах больше не было той давящей служебной дистанции.

Не выдержав этого затянувшегося молчания, она робко протянула руку и тихонько взяла его за ладонь. От её легкого прикосновения мужчина шевельнулся и медленно открыл глаза. Несколько секунд он непонимающе всматривался в сидящую рядом девушку, словно пытаясь прогнать остатки сна и реанимационного бреда. Он просто не верил своим глазам. Офицер ожидал увидеть на этом стуле коллег по службе, врачей, да кого угодно — но только не её, беззащитно сжимающую его пальцы.

— Ты?.. — негромко, чуть хрипло сорвалось с его губ

. — Да, это я, — тихо ответила она и слегка сжала его ладонь. — Хотела узнать, понравилась ли тебе моя роза.

После её слов на его лице можно было разглядеть лёгкую, тёплую улыбку.

— Понравилась, — выдохнул он. — Но больше всего мне в душу запали твои слова, переданные через медсестру. Ты прости меня, если я тогда, в участке, был слишком груб с тобой.

— Не стоит извиняться, — она качнула головой, и в её голосе послышалась искренность. — Если бы не твоя грубость, я, может быть, сейчас была бы всё в том же привычном месте, а не здесь, с тобой.

Ах, друзья мои! Если бы кто-то в ту минуту посмотрел на них со стороны, то ни за что бы не сказал, что он — суровый полицейский, а она — некогда бывшая ночная бабочка. Прошло еще несколько минут их теплого разговора, как в палату вошла дневная медсестра и слегка строгим голосом сказала:

— Простите, но ваше время истекло. Больному нужно отдыхать! — после чего медсестра покинула палату.

— Ну всё, мне пора идти, — тихо произнесла девушка, медленно отпуская его руку.

— Давай. Спасибо, что пришла.

Перекинувшись улыбками, она вышла в коридор. А он остался лежать на постели, вдумчиво глядя в белый потолок.

Минуло без малого полтора месяца. Самый тяжелый период остался позади, и его наконец-то выписали из больничных стен. Однако вернуться к службе сразу он не мог — ранение давало о себе знать, и мужчине требовалась длительная реабилитация, которую врачи настоятельно рекомендовали проходить в домашних условиях. Но дома ему был необходим постоянный присмотр и помощь в самых простых бытовых вещах. Именно поэтому она оказалась рядом с ним. Перешагнув порог его квартиры, девушка добровольно взяла на себя заботу о человеке, который когда-то не дал ей окончательно сгнить на дне.

Вы не поверите, друзья, но всё это время — с того самого мига, как она услышала о случившемся по телевизору, и до этого самого момента, когда переступила порог его дома, — она больше ни разу не возвращалась в свои привычные когда-то места. Она преданно за ним ухаживала: готовила ему завтраки, обеды и даже ужины. Вместе они часами смотрели телевизор, о чём-то увлеченно беседовали и много, громко смеялись. С той поры прошёл ещё месяц, прежде чем они сблизились ещё на один невидимый шаг. Их отношения стали чем-то гораздо большим, чем просто дружба. И эту зарождающуюся любовь можно было легко

прочсть на их лицах, когда они смотрели друг на друга даже во время разговоров на самые обычные, бытовые темы.

Настал день, когда он наконец-то вернулся на службу. Теперь он каждое утро уходил в участок, а она преданно ждала его возвращения, коротая минуты за уборкой дома и приготовлением вкусного ужина.

А ещё через полгода они вовсе поженились. Он продолжал работать всё в том же привычном участке, каждый день возвращаясь со службы в свой тихий и уютный дом. Нашла себе дело по душе и она. Конечно, прошлое наложило свой отпечаток, и путь во многие профессии для неё был закрыт. Но жизнь — удивительная штука: то исцеление, которое когда-то началось с одной-единственной белой розы в больничной палате, привело её в небольшой, залитый солнцем цветочный магазин. Бывшая ночная бабочка стала флористом. Теперь её руки, знавшие столько боли и грязи, прикасались только к чистой красоте растений. Собирая нежные букеты для чужих праздников, она словно по крупичкам заново сшивала свою собственную душу. Она смогла. Она выбралась из грязной колеи, доказав, что даже на самом темном дне можно отыскать дорогу к свету.

Если бы кто-то из вас встретил её сегодня на улице, то никогда бы не разглядел в её спокойных глазах ту, ожесточенную девчонку из грязного ночного притона. Жизнь навсегда смыла с неё фальшивый неоновый блеск, оставив главное — живую, спасенную душу.

Каждое утро она провожает его на службу. Он всё так же надевает форму и уходит защищать этот холодный город, а она долго смотрит ему вслед из окна их теплого дома. И никто не знает, что перед его уходом, пока он застегивает куртку в прихожей, её тонкие пальцы флориста незаметно прячут в его нагрудный карман бледный лепесток белой розы. Маленький, безмолвный оберег от той пули, которая едва не разлучила их навсегда.

Она не просто сошла с грязной тропы. Она научилась любить, беречь и ценить человека, который когда-то подарил ей право на новую жизнь.

Город за окном старел, менялись эпохи, но в их маленьком мире время словно замерло. Они прожили долгую, по-настоящему счастливую жизнь. Жизнь, которую они отвоевали у этого города вместе, до самого последнего вздоха.

Ну вот и всё, дорогой читатель. Закончилась эта удивительная и прекрасная история. Кому-то она, возможно, покажется странной или даже нелепой — мол, с чего бы обычному полицейскому из участка так отчаянно заботиться о какой-то ночной бабочке? Но жизнь вообще гораздо сложнее, глубже и красивее любых стереотипов. И мы с вами теперь это знаем. А прямо сейчас, перелистывая страницу, вы делаете шаг навстречу новой истории...

Глава 3

Прошмандовки

Этот рассказ расскажет вам о ночной жизни той самой элиты, которую вы никогда не встретите в дневное время. Именно здесь, в полумраке притонов, откроются истинные лица людей. Вся история вымышлена, как и имена персонажей, и не имеет никакого отношения к жизни какого-либо человека.

Когда город спит, ночью начинается новая жизнь. Жизнь, которая находится за занавесью дневного покрова. События развивались в одном из городов нашей необъятной страны. В одном из подпольных казино каждый вечер собирались прошмандовки разных мастей. Среди них была проститутка, которая обладала особенной внешностью, и звали её Наташа. Она была не столь вульгарна, как её коллеги. Также там собирались любители потратить деньги в казино и поклонники этих девиц — и были они не кто иные, как лица мужского пола. Всё это отрешё считало себя высшей элитой ночного кошмара, а своих проституток — прошмандовками высшего пилотажа.

Ежедневная вакханалия была похожа на одну из картин Питера Пауля Рубенса — «Пир богов на Олимпе». Конечно же, это безумие не обходилось без попойки. Спиртные напитки лились рекой, а разные яства украшали и без того пышно накрытые столы. Полупьяные мужчины вели себя вульгарно, а некоторые и буйно, кидаясь на других посетителей, которые в своей безобразной манере небрежно отпускали комплименты их дамам — в лице всё тех же самых прошмандовок.

Наташа была натурой своеобразной. При каждой возможности она старалась держаться подальше от этого источника бурных страстей, но полностью избежать всего этого ей не удавалось никогда. Хотелось ей того или нет, но участницей ночных потех так или иначе она являлась. Задача проститутки заключалась в том, чтобы веселить своих богатых клиентов. А оттого на их лицах всегда должна была быть улыбка, невзирая на внутреннее состояние. В правила проститутки не входило о чём-то лишнем разговаривать со своими клиентами.

Но так получилось, что очередной клиент Наташи был человеком от слова «любитель поболтать». Оттого-то его друзья и дали ему прозвище Болтун, хотя настоящее его имя было Дмитрий.

Они сидели за дальним столиком. Дмитрий долго и без умолку о чём-то рассказывал, но вдруг резко замолчал. Он внимательно посмотрел на Наташу, словно впервые разглядел её под слоем макияжа, и тихо спросил:

— Слушай, Наташ, как ты вообще попала в это место? Ты же совсем не похожа на остальных. Наташа горько усмехнулась. Сама от себя не ожидая, она решила открыться ему. Дмитрий слушал очень внимательно, подперев голову рукой.

— Дима, я росла в неблагополучной семье, — Наташа горько усмехнулась. — Отец всё время выпивал и к этому делу пристрастил свою жену, мою родную маму. Оттого-то ещё ребёнком я росла сама по себе. По большей части меня вырастила улица. Мои уличные подруги были тоже не из благополучных семей. В садик я практически не ходила, а в школе почти не появлялась. Хотя учителя в своё время поговаривали: если бы у меня были нормальные родители, то я стала бы успешным ребёнком. Но вместо этого у нашего дома вечно стояла патрульная машина. Полиция то забирала, то приводила их по очереди: отца — за пьянку и дебош, а мать — за пьянку и буйное поведение. Так пролетали дни, месяцы, годы...

. — И ты не пыталась уйти от этого? — негромко спросил Дмитрий.

— Пыталась, — Наташа вздохнула и сделала небольшую паузу.

— И? — с огромным интересом спросил Дмитрий.

— Однажды я решила изменить свою жизнь и подружиться с нормальным парнем из нормальной семьи. Но молва о моей семье, как и обо мне самой, словно чума, пролетела от одного конца города до самых его окраин. В итоге ни один парень, который меня знал, не хотел связывать свою жизнь с девушкой с такой падшей репутацией. А те, кто меня не знал, после знакомства с моими родителями сначала застывали от шока, а потом исчезали как дым.

Сделав глоток из бокала, в который был налит виски, она продолжила свою горькую историю:

— Устроиться на работу я не могла лишь по той причине, что у меня не было никакого образования. Из школы я аттестат не получила — дали на руки справку о том, что прослушала материал за девять классов. Это было клеймом того, что я ребёнок из неблагополучной семьи и с дефицитом знаний. Такую, как я, на работу официально не возьмут. Впав в отчаяние, я не знала, куда себя деть. На работу не берут, замуж не берут, денег почти нет.

— А на что же вы жили тогда? — вполголоса спросил Дмитрий

— Для заработка денег отец шабашил: кому-то огород перекопает, где-то разнорабочим на стройку пойдёт. Мать моя ходила по чужим дворам и искала одиноких старушек, которые нуждались в помощи, и чем могла помогала им. Денег в достатке никогда не было, а если и появлялось немного, мать и отец на пару тут же их пропивали.

Когда отец выпивал, то в порыве своего буйного характера занимался рукоприкладством. Доставалось не только матери, но перепалили оплеухи и мне. Подруги меня жалели, но поделаться ничем не могли с той обстановкой, что царил у меня дома. Часть моих приятельниц уже работали на постоянном дворе — были теми самыми прошмандовками, но меня пока с собой не звали. Может, боялись, что я сдам их полиции, а может, просто выжидали нужного момента.

Наташа вдруг грустно улыбнулась, вспомнив что-то светлое:

— Некоторые люди не верят в чудеса новогодней ночи, но это ещё не значит, что их не бывает. В моей жизни такое чудо однажды произошло, и я была весьма удивлена. Наступила долгожданная зима, которая обещала принести много радости детишкам, потому что выдалась она очень заснеженной. Благодаря этому отец заработал достаточно денег, расчищая дворы и крыши. Мать тоже подработала немало. Одинокие старушки не могли передвигаться по сугробам и вынуждены были прибегать к помощи со стороны, которой как раз и занималась моя мама. К концу декабря работы у них оказалось так много, что они были полностью ею увлечены. Они просто не успели пропить все деньги и решили прикупить продуктов к празднику.

И вот наступила эта новогодняя ночь, — продолжала Наташа, время от времени делая глоток виски.

— Семья собралась у стола. Красноречивыми родители мои никогда не были, но в эту ночь что-то изменилось. Встал отец и произнёс предновогоднюю речь: «Наташа, ты извини, что мы с мамкой выпиваем и из-за нас у тебя такая жизнь». После этих слов он пошёл в другую комнату и вынес оттуда какой-то пакет. Подошёл ко мне и протянул его. Я заглянула внутрь, и меня повергло в шок от увиденного. Там лежал новогодний подарок, купленный моим отцом. Сказав спасибо, я ушла в свою комнату, уткнулась в подушку и зарыдала словно дитя. Ведь подобного тепла я не видела все свои двадцать три года.

Она слотнула подступивший к горлу комок:

— Мне казалось, что жизнь начала налаживаться, и в одночасье на душе воссияло солнце. Окрылённая этим чувством, я с великим усердием стала строить планы на будущее. Но прошло пару недель новогодних празднеств, и всё вернулось в прежнее русло. Родители стали пропивать оставшиеся деньги, и тогда все мои мечты растаяли, как снег с наступлением весны.

Голос Наташи задрожал от того, что ей предстояло рассказывать дальше:

— Наступившая весна была тёплой и радостной для окружающих, но только не для меня.

Весна — это пора, когда люди выходят в свои огороды, на дачные участки, — продолжала Наташа, глядя в пустоту.

— А еще это был сезон для отца, чтобы заработать деньги на этих самых огородах. Я той весной тоже ходила и искала работу в частном секторе. Надеялась, что смогу изменить финансовое положение семьи, и наша жизнь наладится. Идя по улице, я увидела пожилую женщину, у которой в обеих руках были тяжёлые сумки. Подойдя поближе, я узнала в ней маму

девочки, с которой некогда училась в одном классе. Я поздоровалась и предложила помочь донести ношу. Женщина согласилась, ибо сил идти дальше у нее просто не было.

Дойдя до её дома, она решила отблагодарить меня за помощь и дала немного денег. Сначала я отказывалась, но она чуть ли не силой запихала купюры мне в карман. На радостях от того, что сама заработала первые деньги, я поспешила к себе домой. Но, переступив порог, увидела ужасную картину...

Отец с матерью были мертвы. Они угорели во время очередной пьянки.

Наташа закрыла лицо руками и тихо заплакала. Дмитрий осторожно коснулся её дрожащего плеча.

— После похорон я сидела дома, — прошептала она.

— Не знала, что мне делать, куда идти и вообще как дальше жить. Тогда я решила обратиться за помощью к уличным подругам. Те, в свою очередь, и предложили мне «высокооплачиваемую» работу здесь.

Когда я пришла сюда, мне всё объяснили: что и как надо делать. Так как у меня не было других вариантов, я согласилась. И с тех пор зарабатываю на жизнь в этом злочестном месте.

Выслушав эту печальную историю, Болтун проникся к Наташе глубокой, искренней жалостью. Жалость — ох, как же странно и сильно это слово звучало на фоне убогого притона! Кто-то скажет, что каждый из нас сам выбирает свой жизненный путь и идёт по нему. Но это изречение ошибочно, ибо не всегда человеку подвластно выбирать свою судьбу. Иногда обстоятельства складываются так, что мы вынуждены идти далеко не по той дороге, по которой хотели бы сами.

Но для Наташи встреча с Болтуном изменила всё. Она продолжала жить в родительском доме, который достался ей после их смерти. Время от времени Дмитрий приходил в казино, но шёл он туда не ради игры и траты денег, а именно к Наташе.

Однажды, в один из привычных вечеров, когда в заведении вовсю кипело веселье, он пришел к Наташе, но не обнаружил её на обычном месте. Спросив про нее у местных девиц, он получил грубый ответ.

— Эй, красавчик, эта сука занята! Пошли со мной? Посмотри на мои прелести, — громгласно заявила Вера, обнажив свою грудь пятого размера прямо перед лицом Дмитрия.

Вера была одной из проституток этого заведения, которая завлекала богатых клиентов своими пышными формами. Что же касалось нашей Наташи, то она и вправду в этот момент находилась в номере с одним из богатых постояльцев, имя которому было Андрей.

Когда он снял Наташу, он был пьян и практически не понимал, что делает. А вообще, кто знает — может, и понимал, но притворялся. Так или иначе, все его действия по отношению к Наташе были очень жестокими. Хотя слово «жестокость» — вполне естественное для заведений подобного типа. Он был очень груб, но «грубость» — это слишком мягко сказано по сравнению с тем, что произошло дальше.

А тем временем Дима не стал дожидаться Наташу. Опрокинув пару рюмок, он покинул это место. Как мне кажется, сделал он это зря.

Тот самый Андрей вёл себя неадекватно и в процессе постельных утех бил Наташу. Да, именно бил, а не хлопал по интимным местам для создания более пикантной обстановки. Она время от времени вскрикивала и умоляла этого не делать, на что клиент лишь огрызнулся:

— Заткнись, потаскуха! Слышишь, закрой свой рот, шмара, и не ори! — он продолжал свои утехы, не прекращая рукоприкладства.

— Прошу, делай что хочешь, но только не бей... — слёзно просила его Наташа.

Все её просьбы он просто игнорировал. В своей дикой манере ублюдок продолжал использовать тело Наташи в самых извращенных вариациях. Это продолжалось до тех пор, пока она не потеряла сознание.

Даже после того как Наташа отключилась, этот выродок тешился с её телом ещё несколько минут. Закончив своё звериное дело, он натянул рубаху, застегнул штаны и спустился вниз к друзьям, чтобы продолжить балаболить на разные темы. Едва он сошёл с лестницы, ведущей из номера, где совершал свои деяния, дружки тут же засыпали его вопросами.

— А вот и наш Андрюха! — вскрикнул один из его полупьяных приятелей.

— Ну что, как провёл время с этой шлюхой? Мы слышали какие-то крики, а? — восторженным голосом спросил Антон.

— Да так, сука вскрикнула пару раз. Но я нашёл, чем заткнуть ей рот.

— Ха-ха-ха! — с диким хохотом, в своей убудской манере рассмеялся один из друзей того самого отребья.

А тем временем в номере, где лежала Наташа...

Истекающая кровью, вся в ранах и синяках от проявленной клиентом жестокости, Наташа стала понемногу приходить в себя. Открыв заплаканные глаза, в которых не осталось больше слез, она попробовала пошевелить руками и ногами, дабы попытаться встать. На то чтобы подняться и пойти в ванную комнату, которая находилась всё в том же номере, чтобы привести себя в порядок, у неё ушло без малого двадцать минут. Словно израненная птица, она уселась на стул подле кровати и, опустив голову, о чём-то думала.

Возможно, у кого-то из вас зародится вопрос о том, почему она не прилегла на кровать? Конечно, ей и хотелось бы прилечь, но было не по себе даже просто смотреть на постель, на которой с ней так зверски обращались.

Посидев еще немного, она спустилась по той же лестнице, по которой недавно ушёл Андрей. Но её никто не заметил, ибо всё отребье в этот момент увлечённо делало ставки в казино. Наташа тихо и молча ушла к себе домой.

С той поры прошло около недели. Наташа за это время никуда не выходила. И вот — глубокий вечер. Она сидит у телевизора, как вдруг раздался звонок в дверь. Неистовым страхом заполнилось её сердце, а в голове завертелась куча вопросов. Ведь ранее никто к ней не спешил в гости, и уж тем более в такой поздний час. Наташа не стала сразу выходить на крыльцо дома, чтобы узнать о позднем визитёре. Но гость был настойчив и продолжал звонить. Тогда Наташа, преодолевая ужас, всё же вышла на крыльцо и окликнула незнакомца голосом, в котором определённо присутствовал страх:

— Кто там?

— Наташа, это я, Дима.

Наташа опешила от услышанного. Открыв дверь, она увидела на пороге того самого Диму-Болтуна.

— Наташа, добрый вечер. Я хотел с тобой увидеться. Приходил туда, а тебя на протяжении нескольких дней не было... Вот я и решил прийти к тебе домой

.— Дима, зачем ты пришёл?

— Наташа, ты ни о чём таком не подумай, я просто беспокоился за тебя

.— Беспокоился? Хм... Ну ладно, проходи.

На плохо освещённой улице было слишком темно, чтобы разглядеть лицо человека, и поэтому Дмитрий поначалу не смог увидеть ту самую синеву на лице Наташи. Но после того как они вошли в дом и она повернулась к нему, на лице Дмитрия отразился холодный страх.

— Наташа, что случилось?! Кто тебя так?!

— Тебе-то что до этого? — Наташа горько усмехнулась.

— Завтра ты сможешь найти другую такую же, как я, в том заведении. Вон их там сколько. Хочешь — Верку, хочешь — Маньку, или Лариску, у которой сиськи не меньше Веркиных.

— Наташа, я пришёл не в поисках постельных утех.— Ой, не надо мне тут заливать и прикидываться пайнкой! Все вы, мужики, кобели! И всем вам нужна очередная сучка, чтобы потрахаться!

Наташа приняла жалость Димы в штыки. Оно и понятно почему. Ведь после всего, что она видела в притоне на протяжении долгого времени, а особенно после последней жестокости, проявленной к ней, у неё окончательно угасла та самая искорка, название которой — вера. Вера в людей и, в особенности, в мужчин.

— Говоришь о жалости, а сам ходишь в то заведение? Вот, смотри, на что похожа ваша жалость! Ну же, давай, СМОТРИ! — Наташа, сорвавшись на крик, резко скинула халат, в котором сидела дома, и обнажила своё тело.

На её бледной коже темнело множество синяков, которые только-только начали сходить.

— Наташа... Кто это сделал? — прошептал Дмитрий, бледнея.

— Как, кто? Тебе виднее! Прошу, Дмитрий, уходи... Оставь меня в покое.

На этом их короткое свидание было окончено. Дмитрий на ватных ногах пошёл к себе домой.

А в ночь следующего дня он направился в это самое чистилище. Атмосфера тамошняя практически не менялась: всё тот же пьяный смех проституток, ставки в казино, крики и поскрипывание кроватей, доносившееся с верхнего яруса злосчастной обители. В этот раз наш Болтун пришёл туда не ради постельных утех, а с совершенно иными намерениями.

Он твердо решил узнать, кто так жестоко надругался над Наташей.

Ах, друзья мои! Хоть Наташа и сказала в порыве обиды, что Дима знает этого человека, но откуда ему было знать, кто именно совершил такое зверство? Для Наташи на тот момент все тамошние мужчины были одинаковыми уродами. Но на самом деле насильник вовсе не являлся другом Дмитрия.

Сидя за дальним столиком и потягивая спиртное, Дима случайно услышал разговор, доносившийся со соседнего места:

— Андрюха, кстати, я что-то не вижу ту сучку, которую ты отодрал на неделе. Где она? Я бы тоже хотел её трахнуть. По твоим словам, она в постели лучше, чем даже Манька! — в своей распушенной манере хохотнул Антон.

— Антоха, да хрен её знает, где она, — лениво отозвался Андрей.

— Видно, отходняки ещё ловит, сучка.

Услышав этот разговор, Дмитрий сжал кулаки так, что побелели костяшки. Ему хотелось в то же мгновение накинуться на упыря и разорвать его на куски. Но здравый смысл вовремя остановил Диму — его бы просто искромсали на мелкие кусочки. Ведь у каждого, кто заходил в это Богом забытое место, при себе были пушки и ножи. Неравенство сил привело бы лишь к тому, что самого Болтуна вынесли бы оттуда ногами вперёд.

«Ну что ж, ублюдок... Я тебя выслежу», — про себя поклялся Дима.

Наступила полночь, веселье в казино было в самом разгаре. Но, видно, по воле самой судьбы, этому отморозку Андрею понадобилось покинуть заведение. У него намечались какие-то дела рано утром, и ему нужно было отоспаться. Едва упырь успел выйти на тёмную улицу, как Дима бесшумной тенью двинулся вслед за ним.

Никто ничего так и не заподозрил — все в казино были слишком увлечены ночным весельем. Не успел Андрей дойти до своей машины, как вдруг почувствовал сильный удар по голове и в ту же секунду отключился. Спустя пару минут в густой темноте неосвещенной улицы последовали два глухих выстрела. После этого Дима сел в свой автомобиль и уехал.

Спустя сутки после случившегося...

Телесные раны Наташи, оставшиеся после того ночного кошмара, почти зажили. И вот она, в своей привычной манере сидя за обеденным столом, на котором стоял её скромный обед, слушает дневные новости.

— ...И к экстренным новостям этого часа. Сегодня рано утром в районе промзоны было обнаружено тело мужчины с признаками насильственной смерти. По предварительным данным следствия, убийца действовал хладнокровно. В жертву выстрелили дважды, практически в упор. Один из выстрелов пришелся в область сердца, второй — стал фатальным. Нам удалось получить комментарий представителей следственного комитета.

Наташа замерла с поднятой ложкой. Сердце предательски екнуло, а по спине пробежал липкий холодок. Какая-то внутренняя, еще не осознанная тревога заставила ее прибавить звук на пульте. Картинка на экране сменилась. Закадровый голос репортера зазвучал на фоне заблюренного кадра: полицейские машины с мигалками, огороженная желтой лентой территория у обочины и силуэт накрытого брезентом тела.

— Личность погибшего уже установлена, — продолжал чеканить корреспондент.

— Им оказался местный житель, тридцатидвухлетний Андрей Воронов. По одной из версий следствия, нападение произошло около полуночи, когда погибший направлялся к своему автомобилю. Нападавший нанес жертве сильный удар по голове, после чего произвел два выстрела из неустановленного оружия...

В этот момент в углу экрана всплыла квадратная фотография. Это был снимок из документов. С экрана телевизора прямо на Наташу смотрело хмурое, тяжелое лицо. Тот самый прищур, те же жесткие губы, которые еще пару дней назад кривились в мерзкой ухмылке. Она в нем узнала того самого зверя который над ней надругался. В какой-то мере, она вздохнула и подумала про себя:

— Ну вот ублюдок, ты свое получил сполна. Но мне то, что с того? Таких ублюдков еще много, которые будут приходить туда.

Наташа все это время, держалась на те деньги которые она заработала но, деньги не вечны и они заканчивались и ей, как бы того она не хотела, но придется возвратиться на «работу».

— Денег мне еще хватит на пару дней и все, мне придется туда идти, иного пути нет. — про себя тревожно подумала Наташа.

На следующий день, у ее порога стоял Дима. Она его встретила уже не так как это было в прошлый раз. Она, впусив его домой, стала накрывать на стол, в силу скромной своей возможности. Но, Дима, зная про ее материально состояние, прикупил продуктов и помог ей приготовить шикарный обед. В процессе обеда, они разговаривали, даже время от времени, Наташа кидала шутки, от которых они вместе смеялись. Между ними разыгралась сильная симпатия, и тогда Дмитрий больше не стал приходить в казино, а шёл прямо к ней домой. Так они сблизились и познакомились поближе. Он стал помогать Наташе финансово, и она навсегда прекратила ходить в то чистилище, когда-то называвшееся «высокооплачиваемой» работой.

Они встречались в течение года, а потом и вовсе поженились, и настали, наконец, в жизни Наташи светлые и тёплые дни. Ещё через год у них родилась дочка. Всю ту любовь, которой так не хватало в жизни самой Наташи, она проявила к дочери и всячески окутывала её заботой и вниманием.

А муж её Дмитрий, бывший Болтун, теперь уже далеко не Болтун, а примерный и любящий отец. Зная прошлое Наташи и то, где и чем она зарабатывала ранее на жизнь, он её никогда не ревновал и полностью ей доверял. Потому что он смог заглянуть ей в самую душу.

Друзья, вся эта печальная история на первый взгляд покажется вам нелепым скрипением пера писателя по бумаге. Но уверяю вас: эта парочка, несмотря на свое прошлое, смогла измениться и начать жизнь заново. Чтобы сделать этот шаг в будущее с чистого листа — без черных очерков из прошлого и без всего того, что могло бы хоть как-то напоминать им о перенесенном кошмаре, — они приняли решение переехать в другой город.

Время — удивительный лекарь. В новом месте, вдали от старых призраков, оно полетело с невероятной скоростью, бережно стирая из памяти бывшие шрамы. Жизнь, которая когда-то казалась Наташе разбитой на осколки, по крупицам собралась заново. Наташа устроилась на хорошую, престижную работу, а Дмитрий, ставший для семьи надежной скалой, уверенно вел их вперед.

Годы промелькнули как один день. Их дочка росла в любви и радости, успешно закончила школу и получила достойное высшее образование. Она выбрала самый добрый, благородный путь — стала учительницей начальных классов, чтобы дарить тепло уже другим детям.

Так Наташа и Дима жили счастливо, согревая друг друга преданностью, пока в их волосы незаметно не закралась серебряная седина. Они встретили глубокую, красивую старость, точно зная: даже после самой темной ночи всегда наступает чистый и ясный рассвет.

Действующие лица

Наташа — местная проститутка, девушка с особенной внешностью и тяжелой судьбой.

Дмитрий (Болтун) — один из постояльцев заведения, примерный и любящий мужчина, заглянувший Наташе в самую душу.

Андрей — наглый и жестокий тип, один из богатых клиентов.

Антон — приятель Андрея, завсегдатай притона с распущенными манерами.

Вера — местная проститутка, привлекающая богатых клиентов своими пышными формами.

Манька — путана из того же заведения.

Лариска — путана из того же заведения.

Глава 4

Эскортница и писатель

Сюжет этого произведения носит глубокий любовный характер. Писатель искал на улицах города чистую музу для новой книги, но его идеальный мир рухнул, когда прекрасная незнакомка оказалась эскортницей. Чтобы спасти роман, он решает нанять её ради творческого эксперимента — но в одночасье сам влюбляется в девушку, напрочь позабыв о том, кто она.

События разворачивались в городе Денвер, штат Колорадо. Именно здесь, в этом чудном и дивном городке, жил и творил писатель по имени Майкл. Он никогда не занимался плагиатом, создавая исключительно авторские произведения. Его романы были так же прекрасны, как и атмосфера мест, в которых разворачивались сюжеты. Трагические и романтические сцены в его книгах неизменно затрагивали самые глубокие струны души любого читателя. Скитаясь по городу, Майкл искал образы, стремясь перенести их на бумагу как можно изящнее. Он страстно желал покорить сердца аудитории, и с каждым разом это удавалось ему всё лучше.

Писатель, как и поэт, — личность утончённая, поэтому Майкл всегда тщательно выбирал локации для будущих глав. Однажды, прогуливаясь по городским улицам, он случайно забрел на Шестнадцатую улицу. В тот же миг автор понял: именно здесь его строки будут ложиться на бумагу особенно красиво.

Присев на скамейку, Майкл принялся вдумчиво разглядывать всё вокруг, словно искал свою музу. Неподалеку стояла девушка — судя по всему, она кого-то ждала.

Её силуэт изящно выделялся на фоне красивых зданий и уютных цветочных лавок. В этот момент писателя осенило: он напишет книгу под названием «Ждущая чудо». И вдохновила его на этот замысел именно незнакомка.

Майкл не знал, кто она и кого ждёт, но строчка за строчкой уже ложились на чистый лист. Чуть погодя к девушке подъехал автомобиль. Машина постояла рядом с ней лишь мгновение; незнакомка села в салон и скрылась из виду, забрав с собой музу творца.

Майкл был сильно огорчён, ведь героиня его романа так внезапно исчезла. Он ещё долго сидел на скамейке в надежде, что она вернётся, но улица опустела. Тогда он твёрдо решил прийти сюда же на следующий день, в то же самое время. Почему именно эта девушка так глубоко запала ему в душу, автор и сам не понимал. Но он отчётливо осознавал: если не застанет её на прежнем месте, новая книга ещё очень долго не увидит свет.

Однако, когда на следующий день в назначенное время Майкл снова пришёл на Шестнадцатую улицу, она была там. Радость писателя переполняла, и он в быстром темпе взялся за работу. За созданием чудесных строк Майкл не заметил, как пролетело время. Но в этот раз всё повторилось. К незнакомке снова подъехал автомобиль, только другой марки, и девушка, сев в салон, опять увезла с собой вдохновение автора. Майкл не стал засиживаться на скамейке: он собрал вещи и пошёл домой, надеясь вновь увидеть её завтра.

Наступил новый день, и Майкл поспешил на Шестнадцатую улицу. «О ЧУДО!» — закричал его внутренний голос, когда он заметил незнакомку на том же самом месте. К этому моменту Майкл написал уже более трёх страниц, и очень боялся, что рукопись останется незавершённой, если героиня снова исчезнет. Собравшись с мыслями, наш отчаянный автор стремительно направился к ней.

Подойдя ближе, он вежливо поздоровался и представился, как того требовали правила этикета. Девушка проявила взаимность и ответила, что её зовут Моника. Майкл не стал таить правду: он признался, что пишет книгу, вдохновлённую ею, и очень не хочет, чтобы она ушла.

Ухмыльнувшись, Моника покачала головой:

— Так не получится.

— Моника, но почему? — тут же спросил Майкл. — Разве ты не можешь хотя бы пару дней никуда не уезжать и побыть на этом месте? Я готов заплатить.

Ответ Моника огорчил Майкла ещё сильнее, чем её внезапные исчезновения в прошлые дни.

— Я работаю в эскорте, — прямо сказала она.

— За мной приезжают клиенты. Если я им откажу, то останусь без денег.

Все надежды Майкла на завершение романа рухнули в один миг. Ведь в своих строках он изобразил Моника ангелом, стоящим посреди рая. Поняв, что закончить книгу в прежнем ключе не удастся, он в полном отчаянии развернулся и побрёл прочь.

Пройдя метров пятьдесят, Майкл резко остановился. Его озарила новая, дерзкая идея: сменить жанр и написать откровенный роман в стиле 18+. Он незамедлительно развернулся и зашагал обратно к юной эскортнице. Догнав её, Майкл предложил пройти в отель «Магнолия», который находился всего в пятнадцати минутах ходьбы от Шестнадцатой улицы. Писатель пообещал заплатить Монике по её стандартному тарифу, чтобы на этот раз она стала реальной героиней его новой, откровенной книги.

Моника согласилась, и они вместе отправились в отель. Писатель был готов пойти на всё, лишь бы его новая книга, призванная вдохновлять читателей, увидела свет. Пока они шли к отелю, Майкл рассказал спутнице не только о её предстоящей роли в создании романа, но и вкратце поделился фактами о себе.

Для Майкла этот опыт работы с эскортницей был первым, а потому он не представлял дальнейшую судьбу книги, как, впрочем, и свою собственную. Его терзал страх: из-за обилия откровенных сцен он мог подвергнуться жесткой критике не только со стороны коллег по цеху, но и со стороны преданных читателей. Он всерьез опасался, что после издания этого романа к его творчеству больше никто и никогда не притронется. Именно поэтому, прежде чем приступить к рукописи в номере с Моникой, он твердо решил тщательно прорабатывать каждое слово.

И вот наступила долгожданная минута — они дошли до отеля «Магнолия». Эта гостиница, как и многие другие заведения класса люкс, не приветствовала визиты жриц любви; подобное строго противоречило внутренним правилам. Зная об этом, Майкл пошел на хитрость и представил Моника как свою супругу. Он понимал, что для работы потребуется немало времени, а потому забронировал номер сразу на три дня.

Когда они вошли, по телу писателя пробежал холод. Чего нельзя было сказать о Монике: для нее эта обстановка была привычным рабочим местом. Майкл же испытывал подобные эмоции впервые — и это несмотря на то, что пригласил он девушку исключительно ради творчества, а не для постельных утех. Поскольку концепция романа принадлежала автору, он сразу принялся придавать спальне соответствующий вид. Комнате остро не хватало письменного стола. Обнаружив подходящий столик в прихожей, Майкл перетащил его в спальню и установил вплотную к кровати.

Сев за стол, писатель нанес первые строки — вступительное слово от автора, вводящее в курс дела. Завершив экспозицию, он перешел к главному, переплавляя реальность в текст.

Писатель чувствовал себя робко, переступив порог спальни вместе с эскортницей. По его телу пробегали холод и страх. Устроившись за столом возле кровати, он лихорадочно принялся писать. Полупрозрачный халат девушки накалял и без того горячую обстановку. Медленным движением руки, не отрывая взгляда от его глаз, она принялась расстегивать пуговицу за пуговицей. Писатель прочел в её глазах страсть и безумное желание наброситься на него, сорвать всю одежду. Едва халат соскользнул с её плеч, она яростно бросила его в лицо автору. Ткань, насквозь пропитанная ароматом её тела, мгновенно разожгла в нем ответный пожар, но он заставил себя оставаться сдержанным.

Откровенное белье — кружевные трусики и лифчик, который едва удерживающий пышную грудь, — произвело на писателя неизгладимое впечатление. Эскортница, сделав вид, будто случайно что-то обронила, повернулась к нему спиной и медленно наклонилась.

Когда она приняла эту позу, соблазнительно обнажив изгибы ягодиц, писателя бросило в холодный пот, а руки задрожали от мощного порыва страсти.

Но он, стараясь сдерживать свои чувства, словно игривых коней в узде, упрямо продолжал укладывать строки на лист. Выпрямившись, эскортница с силой шлепнула себя по округлым ягодицам. В комнате, где царила полная тишина, нарушаемая лишь учащенным дыханием двух людей, этот уверенный хлопок прозвучал очень смачно и громко. Сил на сдерживание эмоций не хватало у обоих, но каждый пока еще продолжал играть свою роль.

Моника знала свою задачу заранее, однако, несмотря на это, она оставалась женщиной, внутри которой вспыхнула настоящая страсть к мужчине, сидевшему напротив. Её планы на писателя изменились. Она всячески стремилась соблазнить его, чтобы с неистовым желанием затащить в постель. Видя, что Майкл держится отстраненно, она подошла ближе и нежно подавалась пышной грудью вперед. Кружевной лифчик не выдержал такого напора, застежки распахнулись, и её большая, пылающая от страсти грудь высвободилась. Писатель на мгновение замер, перестал вести карандашом по бумаге и заострил взор на её обнаженном теле, пока Моника бережно сжимала ладонями свои формы.

Переведя дух, писатель заставил себя вернуться к намеченному плану. Тогда эскортница пошла ва-банк и принялась снимать трусики. Обнажая свою женственность, она ждала, что шуршание грифеля по листу наконец прекратится и всё внимание мужчины переключится на неё. Но её надежды таяли с каждой минутой, ведь взгляд Майкла по-прежнему был прикован к рукописи.

Порыв отчаяния, вызванный полным отсутствием ответной реакции, побудил девушку пойти на крайние меры, против которых он точно не сможет устоять. Она решительно отодвинула столик в сторону и, широко раздвинув ноги, уселась писателю на колени. От такой близости её лоно оказалось прямо перед ним, но Майкл сделал вид, что ничего не заметил. Тогда она принялась ласкать его лицо своей тяжелой грудью.

«Он мой!» — победоносно подумала Моника и уже протянула руку к его брюкам. Однако писатель медленно и нежно перехватил её запястья, отстранил грудь от своего лица и выразительным взглядом указал девушке на кровать. Она неохотно начала подниматься с его колен, но, чтобы окончательно добиться своего, высоко вскинула ногу, дразняще проведя своим обнаженным, влажным от страсти лоном перед самым его лицом.

Дойдя до предела своих чувств после того, как дурманящий аромат страсти из её приоткрытого лона устремился в его сторону, писатель ненароком переломил карандаш, который сжимал в пальцах. В тот же миг дикое вожеление немного утихло, ведь карандаш был его главным рабочим атрибутом. К счастью, Майкл всегда брал с собой запасной. Эскортница, заметив, как мужчина сломал грифель, быстро направилась к постели. Приняв полулежачую позу, она вызывающе развела ноги, полностью раскрывая свою промежность в надежде, что теперь-то автор точно не устоит.

Взяв новый карандаш и чистый лист, на котором ему предстояло зафиксировать постельную сцену, писатель подошел к Монике. Пока она всеми силами пыталась соблазнить его и сорвать одежду, Майкл собрал волю в кулак. Он нежно взял девушку за лодыжки, бережно свел её ноги вместе, после чего просто прилег рядом и продолжил свою творческую работу. Спустя время, едва удерживая бушующую внутри бурю, писатель решил прекратить сессию, чувствуя, как они оба измотаны этим противостоянием.

Майкл предложил продолжить работу завтра. Находясь в полном замешательстве, Моника согласилась. Они спустились в ресторан отеля и поужинали. Девушку не покидала надежда: она знала, что в запасе есть еще два дня, чтобы соблазнить Майкла и наконец слиться

с ним телами. После ужина они вернулись в номер и легли спать: она осталась в спальне, а он устроился в прихожей на диване.

Наступило утро второго дня. Наши герои отправились на завтрак в тот же ресторан. За чашкой кофе Майкл вкратце обрисовал Монике её сегодняшнюю роль, после чего они вернулись в номер. Зайдя в спальню, Майкл занял привычное место за столом, а Моника принялась за свое привычное дело — раздевание.

И вот карандаш снова начал выводить строки на листе. Понимая, что вчерашний медленный стриптиз не дал результатов, эскортница быстро скинула вещи и легла на кровать в той самой первоначальной позе, максимально обнажающей её женственность. Но в этот раз всё было иначе. Моника твердо вознамерилась приложить все усилия, чтобы затащить упрямого писателя в постель и сполна насладиться его творческой плотью. Приняв позу пантеры, готовой вот-вот наброситься на жертву, она принялась манить его страстным, голодным взглядом. Девушка начала нежно и медленно покачивать телом, увлекая за собой свои тяжелые формы. Её налитая страстью грудь, словно маятник, гипнотизирующе двигалась из стороны в сторону.

Похоже, история повторяется, и я не смогу овладеть им и сегодня, — с досадой подумала Моника. — Он ведет себя слишком сдержанно. Ну ничего, ты всё равно будешь моим, не будь я эскортницей!»

Наблюдая, что её позы не вызывают у писателя видимого волнения, девушка решила пойти на таран. Своей страстной, мертвой хваткой она затащила Майкла на постель, опрокинула его на спину, а сама уселась сверху, словно хищник перед атакой. Писатель обескураженно смотрел на неё, не зная, как вырваться. Её длинные ноги, словно змеи, обвились его бедра. Моника принялась лихорадочно расстегивать ремень на его брюках, действуя как изголодавшаяся женщина, которая слишком долго была лишена мужского тепла. Запустив ладони под его майку, она нежно гладила его торс, поднимаясь руками всё выше. Майкл, не отрывая взгляда от её великолепной груди, тоже поддался порыву и начал касаться её нежной кожи

.«Наконец-то я добилась своего, теперь он мой!» — торжествовала эскортница, продолжая ласкать его лицо своими формами.

В какой-то момент писатель едва не потерял голову, он был готов сдаться, но в последний миг вовремя включил разум и сумел выбраться из этих ловчих сетей. Однако Моника имела богатый опыт соблазнения самых стойких мужчин. Поняв, что одними позами его не взять, она пустила в ход свой сладкозвучный голос. С каждым движением тела она шептала ему на ухо, описывая во всех красках те интимные действия, которые мечтает с ним совершить.

Но писатель оставался верен карандашу и бумаге. Более того, для удобства работы он взял блокнот прямо с собой в постель, чтобы не упустить ни одной детали. Он страстно желал перенести бушующую бурю на лист, зафиксировать для читателя свою стойкость и непоколебимость перед чарами искусственной соблазнительницы.

Смена поз превратилась в замкнутый круг. Тогда Моника решила откровенными словами задеть мужское достоинство Майкла, надеясь принудить его к плотскому слиянию через провокацию. Она выдохнула ему в губы:

— Если ты настоящий мужчина, возьми меня! Войди в меня так глубоко и страстно, как только можешь!

Писатель обомлел. В этот миг была жестоко задета его мужская гордость. Для него это стало ударом ниже пояса, унижением его эго. Теперь перед ним лежали два пути: либо в глазах этой женщины навсегда остаться евнухом и продолжить писать, либо поддаться её призыву, доказав свою силу, но проиграв как автор. Майкл поступил хитро, обманув и её, и самого себя. Он мягко отстранился и произнес:

— Не торопи события, Моника. У нас впереди еще предостаточно времени.

Тем самым он дал ей призрачную надежду, а сам вновь принялся фиксировать на бумаге развитие событий. Но эскортница была насколько красива, настолько же и хитра. Чтобы усы-

пить бдительность Майкла, она завела разговор на те темы, которые были ему по нраву, при этом не переставая менять позы и искушать его. Подавшись выше, Моника обхватила его голову руками и нежно прижала к себе. Писатель держался из последних сил.

И вот настал момент, которого девушка так долго ждала. Майкл резко отложил карандаш и блокнот, решив, что обо всём напишет позже, и перешел к действиям. Он сделал то, чего Моника так и не смогла добиться от него силой: уверенно снял с себя майку, брюки и небрежно бросил их на пол. Затем он сжал её в объятиях и на миг закрыл глаза, готовый полностью раствориться в бушующем пламени.

Но в секунду пика его что-то остановило. Расслабившись, Майкл вновь взял волю в кулак, отстранился и тихо произнес: «Прости». Несмотря на то, что перед ним была жрица любви, он категорически не хотел проявлять к ней неуважение или грубость. В это мгновение писатель даже забросить рукопись — у него банально не оставалось сил балансировать на грани. Он планировал посвятить роману все три дня, уединившись в номере люкса, но, будучи новичком в таких экспериментах, не подчитал, как тяжело находиться на пороге интимной близости сорок восемь часов подряд и при этом оставаться хладнокровным автором.

Однако в запасе оставался еще один день. Второй вечер пролетел быстрее первого — очевидно, потому что в первые сутки накал эмоций был намного мощнее. Наша парочка, как и накануне, спустилась в ресторан на ужин, после чего вернулась в номер. За столом Майкл не стал планировать сценарий финального дня. Он пустил всё на самотек, мысленно сказав себе: «Будь что будет».

Эта ночь выдалась для него почти бессонной. В полузабытьи он пытался распланировать финал их заточения. Наутро всё повторилось по привычному сценарию: утренняя трапеза в ресторане, возвращение в люкс и Моника, которая по классике жанра принялась сбрасывать одежду, думая, что её ждет очередное противостояние.

Но сегодня события приняли совершенно иной оборот. Майкл не прикоснулся к блокноту. Он решил наконец утолить тот голод, который мучил его на протяжении двух невыносимо трудных дней. Подойдя к Монике, он взял её за руку, посмотрел прямо в глаза и увлек за собой на кровать. Девушка ответила ему взаимным, пристальным взглядом. В этот миг она отчётливо поняла, что Майкл — не просто очередной клиент. Рядом с ним она впервые вела себя не как холодная эскортница, а как нежная, влюбленная женщина.

Майкл предложил ей заняться любовью так, как это сделали бы обычные любящие люди. Весь этот третий день они без остатка посвятили друг другу, словно купаясь в лучах искренней страсти. Наслаждаясь грезами любви, оба они прекрасно понимали: наступит завтра, и жизнь вернется в прежнее русло как для эскортницы, так и для писателя.

Майкл был с Моникой весьма обходительным и не позволял себе ничего лишнего — одним словом, вел себя как настоящий джентльмен. Это не могло не удивить девушку, привыкшую к совсем другому отношению со стороны мужчин.

На следующий день Майкл и Моника покинули отель. Писатель проводил её обратно на Шестнадцатую улицу, туда, где они впервые встретились три дня назад. Постояв немного рядом, Майкл тепло произнес на прощание:

— Моника, спасибо тебе за твою работу. Мне было действительно приятно с тобой сотрудничать.

— И мне, Майкл, было очень приятно, — улыбнулась она в ответ.

— Ты настоящий джентльмен. Надеюсь, мы еще когда-нибудь увидимся.

Слова Моника заставили писателя улыбнуться. Они попрощались, и Майкл не спеша пошел к себе домой — дописывать финальные строки своей новой книги.

Дорогой читатель! Возможно, вы заметили, что в этом рассказе нет иллюстраций к самым жарким и откровенным сценам. Я сознательно принял это решение. Во-первых, совре-

менные технологии и фильтры цензуры пока не способны передать всю ту глубину чувств и кинематографичную реалистичность, которую я задумывал. А во-вторых, и это главное — я верю, что ваше воображение справится с этой задачей гораздо лучше любого художника или нейросети. Пусть каждый герой и каждая сцена останутся в ваших мыслях именно такими, какими их нарисовало ваше сердце. Спасибо, что прошли этот путь вместе с моими персонажами!

Глава 5

Эхо прошлого

Прошло пять лет с тех пор, как она вырвалась из того ада. Теперь это был совсем другой город нашей необъятной страны — тихий, провинциальный, затянутый вечным утренним туманом. Здесь её никто не знал. Она устроилась работать на одну из местных швейных фабрик, сняла скромную квартиру на окраине и наконец-то научилась спать по ночам без кошмаров. До того самого дождливого вторника, пока на пороге не возникла тень из её прошлого..

Жизнь на окраине всегда текла по своим, особым законам — лениво, предсказуемо и серо. С раннего утра по пыльному, раскаленному асфальту узких улиц тянулись редкие прохожие. Среди них ничем не выделялась молодая женщина по имени Лиза. Обычное простенькое ситцевое платье, усталый, но спокойный взгляд, высоко собранные волосы, чтобы спастись от удушливой жары. Глядя на неё, никто из коллег по швейной фабрике не мог бы даже предположить, через какой ад ей пришлось пройти несколько лет назад. Для всех она была просто исполнительницей, молчаливой швеёй, которая ни с кем не заводила близких знакомств и сразу после работы возвращалась в свою скромную съёмную квартиру. Лиза дорожила этой серостью. Для неё эта тихая, пускай и бедная жизнь была настоящим спасением, за которое она платила честным трудом.

В цеху стоял привычный гул швейных машин. Пахло текстилем, машинным маслом и дешевым чаем. Лиза (или выбери свое имя) сосредоточенно вела строчку по плотной ткани. Её руки, когда-то привыкшие к совсем другой, легкой и грязной работе, теперь покрылись мелкими мозолями от игл. Но эти мозоли были её гордостью. Они доказывали, что она занята честным трудом. На часах было без пятнадцати пять. До конца смены оставались считанные минуты, когда мастер цеха окликнула её по имени и кивнула на выход:

— К тебе там пришли. Ждет у проходной.

Лиза шла по длинному коридору заводоуправления, и внутри у неё всё сжималось от нехорошего предчувствия. На швейной фабрике к ней никогда никто не приходил — у неё просто не было друзей в этом городе.

Тяжелая железная дверь вела на улицу. Ослепительное июльское солнце на секунду заставило её зажмуриться, а в лицо ударил сухой, раскаленный воздух. Напротив проходной, прильнув к обшарпанной стене соседнего гаража, стоял мужчина.

Сердце Лизы пропустило удар, а ноги мгновенно стали ватными. Это был Вадим (или подставь его имя). Он ничуть не изменился за пять лет: та же дорогая кожаная куртка, несмотря на удушливую жару, те же тяжелые золотые часы на запястье и всё та же циничная, сытая ухмылка на лице. Он вальяжно курил, выпуская дым в сторону фабричных ворот, и рассматривал Лизу так, словно она до сих пор была его собственностью, выставленной на продажу.

Увидев её в простеньком ситцевом платье и с рабочим фартуком на поясе, Вадим медленно опустил сигарету и негромко произнес:

— Ну привет, Лизка. Долго же я тебя искал. А ты, я вижу, у нас теперь честная труженица?

— Вадим? Что тебе надо? Как ты меня нашёл? — слова давались Лизе с трудом, в горле моментально пересохло. Она крепче сжала пальцами края рабочего фартука, молясь про себя, чтобы ноги не подкосились прямо здесь, на глазах у выходящих смены швей.

Вадим снисходительно усмехнулся. Он сделал глубокую затяжку, бросил дорогой окуроч прямо под ноги Лизы, на пыльный асфальт, и медленно наступил на него носком начищенного туфля.

— Нашёл? Лизка, ну ты же взрослая девочка, — в его голосе прозвучало фальшивое, отеческое разочарование. — В наше время, если у человека есть деньги и правильные подвязки, найти швею на окраине безымянного города — это дело двух звонков. Ты думала, сменила симку, уехала за тридевять земель, затерялась среди станков и всё? Прошлые долги аннулировались?

— Я тебе ничего не должна, — тихо, но твердо отрезала она, хотя внутри всё дрожало от ужаса. — Я уехала пять лет назад. Я оставила тебе всё: квартиру, вещи, деньги, которые заработала. Я начала с чистого листа. Уходи, Вадим. У меня новая жизнь.

Вадим сделал шаг вперед. Лиза инстинктивно отпрянула, упершись спиной в холодную железную дверь проходной. От него пахло дорогим парфюмом и салоном новой машины — запахами, которые она так отчаянно пыталась забыть.

— Новая жизнь? — он окинул её брезгливым взглядом с ног до головы. — В этом копеечном ситцевом платице за три рубля? На швейной фабрике за копейки от звонка до звонка? Не смей меня, Лиз. Ты рождена для другого. И ты права, старые долги ты вроде как закрыла. Но видишь ли, какое дело... У меня сейчас возникли временные трудности. Финансовый кризис, понимаешь? И мне очень нужны проверенные, надежные люди. Старая гвардия.

Он наклонился к самому её уху, и его голос упал до ледяного, делового шепота. От этой мертвой интонации у Лизы на голове зашевелились волосы:

— Завтра вечером ты соберешь вещички и сядешь ко мне в машину. У меня на тебя большие планы, Лиз. Слишком много денег в тебя когда-то было вложено, чтобы ты тут гнила за швейным станком. А если вздумаешь бегать...

Вадим мягко, почти бережно взял её за подбородок и чуть сжал пальцы, заставляя смотреть себе прямо в глаза. В его взгляде не было злости — там была пугающая пустота.

Вадим на секунду замолчал, внимательно всматриваясь в её бледное лицо, а затем добавил так спокойно, будто говорил о погоде:

— ...Я второй раз искать тебя не буду. Парни приедут, сначала разнесут твою уютную квартирку вместе с тобой, а потом вывезут в лес и закопают. Отработаешь свое в другом месте. Я понятно объясняю? Завтра в восемь вечера я жду тебя у твоего подъезда. Не дури, Лиза. Живой ты мне нравишься больше.

Кое-как Лиза доработала свой рабочий день после этой жуткой встречи. Когда она уходила с фабрики, солнце еще пекло удушливой жарой, раскаляя пыльный асфальт. Но к полуночи погоду резко сорвало. Небо затянуло грозowymi тучами, и на город обрушился мощный, нескончаемый ливень. Капли яростно барабанили по стеклу. Ночь для неё была абсолютно бессонной.

Лежа в темноте под стук дождевых капель, она понимала, что Вадим не оставит её в покое.

Не дождавшись рассвета, Лиза вскочила с кровати. Руки тряслись от страха. Она быстро схватила сумочку, в которой лежали все её скромные сбережения и паспорт, наспех бросила в рюкзак вещи первой необходимости и, накинув куртку, помчалась на вокзал.

На вокзале Лиза купила билет на первый же автобус, шедший до крупного железнодорожного узла. Ей было абсолютно всё равно, куда ехать, лишь бы подальше отсюда. Сутки в душных плацкартных вагонах, пара случайных пересадок — и в итоге случайная дорога забросила её в глухой северный посёлок.

Это было место, куда, как говорится, Макар телят не гонял. Вокруг простиралась бесконечная, глухая тайга, а лето здесь казалось коротким и холодным. В этом оторванном от мира рабочем поселке Лиза надеялась раствориться, стать невидимкой. Без лишних вопросов

и документов она сняла за копейки крохотную комнатку у нелюдимои глуховатой старухи и устроилась мыть полы в круглосуточном придорожном кафе, где питались дальнбойщики и рабочие с лесоповала. Деньги платили наличными в конце каждой смены. Прошло три месяца. Лиза постепенно начала привыкать к запаху бензина, чужого пота и дешёвого табака. Ей казалось, что в этой глуши Вадим её точно никогда не найдёт...

Прошло несколько месяцев. Лиза в своей привычной, молчаливой манере день за днём выполняла тяжёлую работу, постепенно привыкая к местному таёжному укладу. Ей казалось, что её тихий мир наконец-то построен. Но в какой-то момент воздух вокруг неё изменился. Первыми это выдали взгляды. Не заезжие дальнбойщики, которым до местной придорожной услуги не было дела, а именно местные мужики — те, кто жил в посёлке годами и работал на лесоповале. В их глазах больше не было прежнего равнодушия к чужой нелюдимои девочке. Появилось что-то другое — липкое, сальное, давящее. Лиза кожей чувствовала, как эти взгляды раздевают её, когда она разносила тарелки или мыла полы у входа. Мужики переглядывались за её спиной, ухмылялись в кулак и затихали, едва она подходила ближе. Эта внезапная, грязная перемена в людях не на шутку пугала. Лиза нутром чуяла: в посёлке что-то произошло, какая-то невидимая гниль поползла по её новой жизни, но она никак не могла понять — с чего вдруг?

Переход от грязных взглядов к действиям оказался быстрым и грубым. Мужики, решив, что чужачка на птичьих правах никуда не пойдёт жаловаться, окончательно потеряли стыд. В первый раз её попытался зажать в темной подсобке местный тракторист, пахнувший соляровкой и дешевым спиртом. Он нагло перегородил ей выход, протягивая свои грязные ручищи к талии. Лиза не на шутку испугалась, но инстинкт самосохранения сработал быстрее — она со всей силы полоснула его по лицу мокрой половой тряпкой и, воспользовавшись его замешательством, выскочила в ярко освещенный зал кафе. Тракторист лишь зло сплюнул ей вслед, но преследовать не стал.

Во второй раз всё зашло еще дальше. Когда она под вечер выносила тяжелый бак с отходами к мусорным контейнерам за зданием, дорогу ей перерезал местный автомеханик. Он цинично ухмылялся, преграждая путь своим грузным телом, и демонстративно совал в нагрудный карман её рабочего фартука измятую пятитысячную купюру.

— Слышь, Лизка, — прохрипел он, пытаясь ухватить её за локоть. — Хорош из себя недотрогу строить. Мы тут мужики простые, не обидим. Чего ты за эти гроши корячишься, если можно по-быстрому заработать, как ты умеешь?

Лиза с силой выдернула руку, швырнула измятую купюру ему прямо в рожу и взбежала по ступеням черного хода, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в горле, а к горлу подкатывала тошнота. Этот липкий, холодный страх парализовал мысли. "Как ты умеешь?" — эта фраза эхом звенела в голове. Откуда, черт возьми, обычный автомеханик в таёжной глуши мог знать о её прошлом?

Слова автомеханика подействовали как удар под дых. Лиза не вернулась в кафе. Она даже не пошла в каморку к старухе за вещами — понимала, что Вадим может ждать её прямо там. Оставив рюкзак, забрав из кармана фартука только сумочку с паспортом и остатками наличных, она бросилась прочь из посёлка. Дождь пополам со снегом хлестал по лицу, смешиваясь с холодными слезами бессилия. Вадим обложил её как зверя. Он превратил её новую жизнь в гниль, даже не показавшись на глаза.

На окраине посёлка, у раскисшей от грязи лесопилки, стоял наглухо заведённый многотонный лесовоз. Водитель матерился, затягивая цепи на брёвнах. Лиза подбежала к нему, тяжело дыша, и протянула все свои помятые деньги: "Дяденька, довези до трассы или до любой станции. Пожалуйста".

Мужик посмотрел на её дикий, полный паники взгляд, на промокшую насквозь одежду, а потом на её худую ладонь с измятыми купюрами. Он хмуро сплюнул в сторону, аккуратно отодвинул её руку с деньгами назад и молча кивнул на высокую кабину:

— Спрячь свои копейки, девка. Залезай давай, пока не околела. Довезу до узловой, мне по пути.

Весь следующий день слился в один бесконечный кошмар из стука колес попутных грузовиков и серых вокзалов. Лиза покупала билеты только в один конец — туда, где на карте заканчивались крупные города. Она бежала на самый Крайний Север, туда, где за Полярным кругом царила вечная мерзлота. Ей казалось: среди ледяной пустыни, где мороз выжигает всё живое, этот столичный паразит её точно не достанет.

Прошло ещё два месяца. Октябрьская слякоть сменилась лютой, глухой полярной зимой. В небольшом шахтёрском посёлке, затерянном посреди бескрайней тундры, температура упала за минус сорок. Солнце больше не поднималось над горизонтом — наступила бесконечная полярная ночь. Небо над головой бывало то чернильно-чёрным, то вспыхивало далёким, холодным сиянием. Воздух застыл, и каждый вдох обжигал лёгкие, а изо рта густыми клубами шёл белый пар.

Без лишних вопросов Лизу взяли прачкой в прачечный комбинат, который обслуживал смены местных шахтёров-вахтовиков. Работа была адской: отпаривать тяжёлые, пропитанные угольной пылью робы, таскать мокрые тюки. Но Лиза радовалась этой тяжести. Мороз снаружи и пар внутри прачечной убаюкивали её бранную память. Мужики здесь были суровые, замкнутые, уставшие от забот, и до неразговорчивой бледной прачки никому не было дела. Лиза наконец-то расслабилась, решив, что ледяной щит Севера надёжно укрыл её от прошлого..

У любого, кто узнает эту историю, наверняка возникнет логичный вопрос: к чему такие сложности? Зачем этому Вадиму — сытому, циничному боссу столичного теневого бизнеса — тратить столько времени, сил и денег, чтобы выслеживать какую-то одну беглую девчонку? Ведь вокруг тысячи других ночных бабочек. Найди новых, красивее, дороже — и забудь про Лизу навсегда.

Но в том-то и дело, что она давно перестала интересовать его как проститутка, способная приносить доход. Здесь включился совсем другой, страшный механизм. Вадим был человеком маниакальных принципов и уязвленного эго. Для него рабыня, посмеявшая сбежать и объявить себя свободной, была личным оскорблением. Ему было плевать на бабки. Ему нужна была тотальная, абсолютная власть. Этот человек получал дикое, извращенное удовольствие, превращая её жизнь в кошмар и методично ломая её новые хрупкие миры один за другим. Это была игра хищника, который преследовал жертву не ради голода, а ради жестокой потехи — ради того, чтобы увидеть в её глазах окончательную, мертвую покорность. Он просто не умел отпускать.

Время на Севере летело незаметно, стирая из памяти прошлые ужасы. Работа на прачечном комбинате сводила Лизу со многими людьми, но один человек стал для неё особенным. Его звали Николай. Он работал забойщиком на местной угольной шахте — высокий, широкоплечий парень с натруженными руками и добрыми, спокойными глазами. Николай сразу приметил тихую, неразговорчивую прачку, которая никогда ни с кем не кокетничала и всегда держалась особняком.

Их знакомство началось с простых разговоров после смены, когда он провожал её до общежития через заснеженный посёлок, спасая от колючего таёжного ветра. В Николае не было ни капли той гнили и цинизма, к которым Лиза привыкла в прошлой жизни. Он говорил просто, честно и смотрел на неё с искренним уважением.

Но именно это уважение поначалу и пугало Лизу больше всего. Она подсознательно ждала подвоха. Каждый раз, когда Николай делал шаг навстречу, внутри неё включался старый уличный инстинкт: она сжималась, затихала и ждала, когда пойдёт гнилой разговор или

грязные намёки. Прошлое приучило её к мысли, что мужчины ничего не делают просто так. Ей казалось, что Николай просто притворяется хорошим, чтобы подобраться поближе.

Однажды она не выдержала. Когда они в очередной раз шли под ледяным ветром, Лиза резко остановилась, повернулась к нему и со злостью, смешанной с отчаянием, выдохнула прямо в лицо:

— Чего ты ходишь за мной? Чего тебе от меня надо?

Николай тоже остановился. На его ресницах застыл иней. Он не разозлился, не схватил её за куртку. Он просто спокойно снял свои тяжёлые меховые рукавицы, бережно поправил сползший с её головы шарф и тихо сказал:

— Ничего не надо, Лиза. Просто замёрзнешь ты одна в этой тундре. Пропадешь.

В тот вечер её глухая стена недоверия дала первую, самую глубокую трещину. Лиза впервые поняла, что в этом суровом человеке нет двойного дна. За его силой скрывалось то, чего она никогда в жизни не видела, — искреннее, бескорыстное желание защитить.

После того зимнего вечера их отношения сдвинулись с мертвой точки. Лиза больше не дичилась, а Николай не торопил её — он просто всегда был рядом, надежный и молчаливый.

Расписались они скромно, под конец полярной ночи, когда из-за горизонта впервые за несколько месяцев робко показался край холодного солнца. В местный ЗАГС пришли прямо после смены, без пышных платьев и толпы гостей. Николай подарил ей простое серебряное кольцо, которое Лиза теперь не снимала, постоянно крутя его на пальце в минуты волнения.

Шахта выделила Николаю небольшую служебную квартиру в старой пятиэтажке на самом краю поселка. Окна выходили прямо на бескрайнюю белую тундру, за которой угадывалось русло замерзшей реки. Лиза наконец-то ушла из прачечной, где от вечного пара и сырости у неё начали пухнуть суставы. По протекции мужа её взяли кассиром в единственный в округе продуктовый магазинчик, где отоваривались местные рабочие.

Жизнь вошла в мирное, ленивое русло, о котором Лиза раньше не смела и мечтать. Николай оказался идеальным мужем — хозяйственным, спокойным, не пьющим. Он возвращался со смены, пахнувший угольной пылью и морозным ветром, молча обнимал её у порога, и Лиза впервые в жизни чувствовала себя в абсолютной безопасности. В их маленькой квартире всегда пахло свежим хлебом и уютом.

Детей у них пока не было — они не спешили, словно давая Лизиной израненной душе время окончательно оттаять. Она твёрдо решила, что этот ледяной край станет её спасением, и в прошлую жизнь она не вернётся никогда. Лиза окончательно поверила, что Север укрыл её навсегда, а прошлое казалось лишь страшным сном, погребённым под толщей полярного льда. Она и представить не могла, что этот лёд вот-вот треснет...

Тревога вернулась внезапно, пробравшись под кожу ледяным таежным сквозняком. В маленьком рабочем поселке, где все знали друг друга в лицо, появление любого нового человека сразу становилось событием.

Лиза заметила его на своей смене в магазине. Был поздний вечер, полярная тьма за окном густела, а мороз на улице давил так, что стекла покрылись толстой коркой инея. Дверь звякнула, впустив клуб морозного пара, а вместе с ним — высокого мужчину. Он не был похож на местных работяг. На нем была дорогая, тяжелая куртка с шикарным меховым воротником, начищенная обувь, совершенно не подходящая для здешних сугробов, а лицо скрывал глубокий капюшон.

Мужчина не стал подходить к кассе. Он постоял у дальнего стеллажа, делая вид, что выбирает сигареты, но Лиза кожей почувствовала на себе его пристальный, тяжелый взгляд. Внутри у неё все похолодело. Этот запах... сквозь морозную свежесть до нее долетел едва уловимый шлейф дорогого столичного парфюма. Тот самый запах, который она так отчаянно пыталась забыть. Лиза замерла, не смея поднять глаза от кассового аппарата, а сердце заколотилось в груди, как пойманная птица. Но когда она все-таки решилась взглянуть на незна-

комца, дверь снова звякнула — чужак исчез в темноте полярной ночи, оставив после себя лишь липкий, парализующий страх.

В тот вечер Николай ушел в ночную смену на шахту. Лиза закрыла магазин, сдала его под охрану и отправилась домой одна. На улице стояла глухая, черная полярная ночь. Мороз давил под сорок пять, под ногами оглушительно скрипел промороженный снег, а изо рта вырывались густые клубы пара.

Чтобы сократить путь до своей пятиэтажки, Лиза пошла по привычной протоптанной тропинке, которая вела прямо через замерзшее русло местной реки. Снежная пустыня вокруг казалась вымершей. Единственным живым звуком был свист ледяного ветра в черных ветках прибрежного кустарника.

Вдруг впереди, прямо у большой майны — проруби, которую местные мужики днем прорубили для зимней рыбалки, — Лизе показался силуэт. Сердце у неё мгновенно пропустило удар. На краю ледяного обрыва, спиной к ней, неподвижно стоял человек в тяжелой куртке с меховым воротником. Он не рыбачил. Он просто стоял в этой кромешной тьме и ждал.

Услышав скрип её шагов, мужчина медленно обернулся. Капюшон упал назад, и в блеклом свете далеких полярных звезд Лиза узнала это лицо. Вадим. На его губах играла все та же циничная, сытая ухмылка. Он был один, без машин, без охраны — пришел пешком из темноты тундры, как призрак из её самого страшного кошмара.

— Ну что, Лизка, думала, если спряталась за полярным кругом и выскочила замуж за своего чумазого шахтера, так я тебя не найду? — Вадим сделал шаг вперед, и его сытая ухмылка в блеклом свете звезд выглядела зловеще. — Завтра твой Коля вернется со смены, а я лично зайду к нему в гости. Расскажу во всех деталях, на каких трассах ты стояла и кем именно была в столице, пока к нему на Север не сбежала. Как думаешь, через сколько минут он вышвырнет тебя из квартиры на этот мороз?

Лиза молчала. Внутри неё больше не было того панического страха, который гнал её через всю страну. На его место пришла ледяная, глухая ненависть. Она смотрела на Вадима и понимала: этот человек никогда не оставит её в покое. Он приехал разрушить её дом, её любовь, её право быть человеком.

— Короче, Лиз, билеты на ночной рейс у меня в кармане, — Вадим жестко перехватил её за локоть и потащил за собой по тропинке через замерзшую реку. — Шагай давай. Прямо сейчас едешь со мной. Второго шанса я тебе не дам.

Они шли по хрустящему льду. Вадим шагал чуть впереди, уверенный в своей силе и в том, что полностью сломал её волю этим ультиматумом. Он держал её под руку, но из-за сильного гололеда и своей самоуверенности потерял бдительность.

Впереди чернела майна — большая прорубь, оставленная местными рыбаками. Тропинка огибала её у самого края. Это был её единственный шанс. На секунду воцарилась мертвая тишина, прерываемая только свистом полярного ветра. Лиза не стала кричать или спорить. В тот момент, когда они поравнялись со скользким обрывом, она резко вырвала руку, развернулась и всем телом, вложив всю свою ярость и месяцы бегов, с силой толкнула Вадима прямо в грудь.

Мужчина не успел ничего понять. Его дорогие зимние ботинки мгновенно поскользнулись на обледенелом краю проруби. Он взмахнул руками, пытаясь ухватиться за воздух, воздух с шумом вырвался из его легких, и Вадим тяжелым камнем рухнул спиной назад — прямо в черную, ледяную бездну.

Раздался тяжелый всплеск. Тяжелая зимняя куртка и намокшая одежда мгновенно потащили его на дно. Вадим вынырнул на секунду, его пальцы судорожно скрябали по гладкому льду, пытаясь зацепиться, но сильное северное течение реки сработало быстрее любого палача. Его намертво затянуло под толстый, метровый слой льда.

Через мгновение черная вода в проруби снова стала ровной и спокойной. Лиза стояла на коленях у края, тяжело дыша. Из рта шел густой пар, а вокруг царила все та же безмолвная полярная ночь. Концы ушли в воду. Прошлое было похоронено под вечной мерзлотой навсегда. Она медленно поднялась, поправила капюшон и пошла обратно к своей пятиэтажке. В окнах их маленькой квартиры горел мягкий, теплый свет — Николай скоро должен был вернуться со смены. Лиза шла по скрипучему снегу, и впервые за много лет её плечи расправились, а внутри воцарилась звенящая, морозная тишина. Она знала, что впереди будет обычная, трудная, серая жизнь на Севере. Жизнь, в которой придется много работать, греть дом в лютые морозы и делить с мужем простые шахтерские будни. Но это была её, честная и свободная жизнь. И больше никто во всем мире не смел назвать её нечестивой.

Действующие лица

Лиза — главная героиня. Она же бывшая проститутка.

Вадим — сутенер одного из притонов.

Николай — муж Лизы.

Вот так, друзья мои, и закончилась эта история. Прошлое, которое Вадим так упорно пытался превратить в пожизненное клеймо для Лизы, в итоге навсегда осталось там, где ему и положено быть — на самом дне, под толщей полярного льда. Север, который поначалу казался лишь суровым краем ссылки, стал для неё настоящим щитом и спасением.

Зачем я рассказал вам это? Наверное, для того, чтобы мы чаще оглядывались по сторонам. Общество любит ставить кресты на людях. Нам легко судить тех, кто оступился, пошел по неверной дорожке или оказался на социальном дне от безысходности. Проще всего нацепить на женщину ярлык и отвернуться. Но за каждым падением всегда стоит чья-то личная драма, дикая боль и глухое отчаяние.

Лиза доказала, что даже из самого страшного ада можно вырваться. Можно отмыться, оттаять, стать честной женой, хорошим человеком и построить свой мир с чистого листа, наперекор всем стереотипам. Главное — найти в себе силы подняться. И помнить, что право на покой и нормальную жизнь есть у каждого, кто готов за него бороться до конца.